

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a man and a woman in Victorian-era clothing standing on a stone balcony or cliff edge. The woman, on the left, has reddish-brown hair styled in a bun and wears a light blue dress with white lace and gloves. The man, on the right, has dark hair and wears a dark suit with a white shirt and a dark cravat. They are facing each other in a close, intimate pose. In the background, a large, dark stone building with multiple windows and spires sits on a rocky outcrop. The sky is filled with dramatic, swirling clouds, and the overall color palette is muted, with blues, greys, and earthy tones.

Анна Валентинова

Джейн Элиот

В вихре порочной страсти

18+

Анна Валентинова

Джейн Элиот. В вихре порочной страсти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73158908

SelfPub; 2026

Аннотация

Жанр: романтическое фэнтези, эротика (18+), реттелинг «Джейн Эйр»

Что получится, если в известную историю о бедной безродной гувернантке и аристократе добавить взрывного и страстного секса, сделать героиню безумно красивой, а героя – настоящим монстром без совести и чести? Столкнуть их вместе и добавить магии. Что может получиться вместо целомудренной мелодрамы полуторавековой давности?

Анна Валентинова

Джейн Элиот. В вихре порочной страсти

Анна Валентинова

Джейн Элиот. В вихре порочной страсти

ГЛАВА 1.

«Не родись красивой, а родись счастливой» – с этой поговоркой Джейн Элиот родилась и прожила большую часть своих двадцати лет. В городке Бельчестер графства Ньюшир симпатичных девушек было мало, а уж таких красавиц, как Джейн – только она одна.

Матушка ее тоже было на диво хороша собой. Но была она дочкой обыкновенного торговца шерстью и, хотя и вышла замуж по большой любви, но всего лишь за местного приходского священника. Пара была счастлива, но очень бедна, и когда миссис Элиот забеременела – семью помимо радостного ожидания ожидали бы еще большие расходы и хлопоты. Однако ни тому, ни другому не суждено было сбыться – после родов измученная мать не прожила и трех дней, успев напоследок налюбоваться на чудесного младенца-ангелочка, а вскоре за ней последовал и отец милой крошки – горечи

разлуки с женой не выдержало сердце.

Грудного младенца, оставшегося круглым сиротой так рано и так трагично, взяла на воспитание родная сестра миссис Элиот – мисс Эндрю. Будучи дамой незамужней, она всю свою любовь и ласку отдала девочке, хотя по природе своей была женщиной сдержанной и суховатой. Однако, по мере того, как Джейн росла и расцветала, являя миру красоту не только внешнюю, но и внутреннюю, тетка ее оттаяла и стала женщиной любящей и общительной, что в свою очередь не могло не понравиться другу местного врача, приехавшему погостить в Бельчестер. Его симпатия быстро стала взаимной, и в тринадцать лет Джейн стала подружкой невесты, неся скромный белый шлейф за счастливой новобрачной.

Новоиспеченный муж тетки Джейн был врачом, но с практикой в далекой северном Ширланде, поэтому, чтобы не подвергать здоровье девочки опасным испытаниям сурового климата, ее, по всеобщему согласию определили в пансион благородных девиц мадам Коринды. Обучение там стоило дорого, но включало в себя полное проживание, изучение нескольких иностранных языков, танцев, рукоделия, истории, географии, вокала и живописи – всего того, что надо было знать девице приличной и образованной, чтобы удачно выйти замуж.

Джейн согласилась учиться в пансионе с радостью, она хоть и любила свой родной городок и тетку, однако ее пыливый ум скучал в сонной атмосфере одноэтажного доми-

ка, где из книг были только библия и жития святых различной степени занудности. В пансионе же ей распахнулся целый мир! Она жадно глотала книги по географии и биологии, биографии исторических деятелей и исторические хроники, с удовольствием пела, танцевала и говорила на двух иностранных языках, помимо родного брейтанского. Живопись и рукоделие ей давались не так хорошо, но это было не страшно – когда Джейн Элиот ставили в первый ряд хора девочек и позволяли запевать – попечители охотно жертвовали более чем солидные суммы на содержание пансиона – так прекрасна была юная звонкоголосая певица.

В книгах, содержания более чем легкого, но не переходящего грани приличия, а попросту – в сентиментальных романах, которые в избытке привозили другие девочки, она узнала, что ее тип красоты назывался «брейтанской розой» – золотые выющиеся кудри, белоснежная кожа с нежным румянцем щек, большие голубые глаза, опущенные длинными черными ресницами, тонкие брови, цветом темнее, чем волосы. Гармонию идеального лица чуть нарушали немного пухлые губы, которые выдавали натуру страстную и утонченную, а тонкий прямой носик, казалось, сошел с полотен знаменитого миталийского мастера, писавшего исключительно королевских особ.

Несмотря на все богатство внешних данных и выгодное отличие от одноклассниц, смотреться в зеркало Джейн не любила. Она была девочкой умной и очень скоро поняла, что

даже при всей ее красоте замуж сироту-бесприданницу вряд ли кто возьмет. А выйти замуж по любви и за равного себе, сельского священника или доктора, и потом всю жизнь грызть черствую корку хлеба, рожая каждый год по ребенку, ей не очень-то хотелось. Скорбный пример собственной матушки не слишком вдохновлял на семейную жизнь в шалаше и без средств к существованию.

Оставался вариант найти мужа при деньгах, но не сановитого, чтобы мог жениться на ней без проблем социального толка. Но и такая судьба не слишком привлекала Джейн. С самого детства, расцветая как бутон розы, и становясь с каждым годом все краше, внимание мужчин, молодых и старых, юных и дряхлых преследовало ее ежеминутно. А некоторые из них позволяли себе говорить с ней тоном фамильярным, на грани приличия, как будто ее красота была порочной, а не ангельской. В родном городке тетка оберегала ее от различных проходимцев, в пансионе были строгие порядки и единственное, от чего страдала Джейн – это повышенное внимание братьев и отцов девочек, которые приезжали изредка навестить ее подруг.

Что ожидало Джейн, когда она закончит обучение в пансионе и будет вынуждена покинуть его гостеприимные стены – знал никто. Но девушка подозревала и боялась, что судьба ее будет нелегкой, и прежде чем выйти замуж за подходящего человека, она встретит не один десяток людей неподходящих, с намерениями самыми дурными и опасными для

нее.

Какая участь может ожидать красивую одинокую девушку-сироту, она прочитала в тех же сентиментальных романах. И не желала повторить судьбу многочисленных соблазненных и отвергнутых обществом несчастных девиц. Поэтому поговорка «не родись красивой» в полной мере отражало все страхи и сомнения Джейн по поводу своей собственной будущей доли.

Когда ей исполнилось двадцать, возраст полного совершеннолетия в королевстве Брейтен, мадам Коринда благословила Джейн Элиот на работу гувернанткой, здраво рассудив, что иначе девушке денег на жизнь не заработать, а жениха для нее никто и не искал.

Тетка с мужем благополучно жила в Ширланде, изредка присылая письма, полные описаний однообразной небогатой семьи врача, с двумя здоровыми ребятишками. Приютить они ее при всем желании не могли, да и девушка не хотела стеснять свою родную тетку, которая и так многое сделала для благополучия и образования племянницы, продав свой дом и отдав деньги на оплату обучения.

При зрелом и длительном размышлении Джейн дала объявление во все газеты Брейтана, коих было не больше десятка. Помимо всех своих достоинств она перечислила и немногочисленные, но обязательные требования к месту работы – тихое поместье, не в городе, дом без холостых мужчин, да и женатых Джейн также не хотела искушать, и подвергать ги-

потетическую хозяйку дома мукам ревности и злобы. Столь строгие требования она объясняла рекомендациями не только пансиона мадам Коринды, но и располагавшегося неподалеку женского монастыря святой Бригитты, где она время от времени пела на мессах.

Ответов пришло не так уж и мало, варианты все были достойные, но выбор Джейн пал на крохотное поместье Фидлторн, откуда ей написала вдова с двумя девочками-подростками, десяти и двенадцати лет. Никаких мужчин в доме и в ближайшей округе не было, помимо кучера, и Джейн полностью удовлетворяли такие условия.

Следуя своему пытливому уму, она достала большой географический атлас Брейтанского королевства и обнаружила, что Фидлторн является частью обширного поместья, принадлежавшего одной из пяти герцогских семей Брейтана. Пять магических семей составляли могущество и мощь королевства, на их плечах и способностях покоилось благоденствие и стабильность всех жителей Брейтана.

Данное поместье, куда должна был направиться Джейн, принадлежало семье Камней, самым твердым, упрямым и независимым герцогам королевства. Но дотошная девушка подсчитала, что от Фидлторна до знаменитого Каменного замка ей пришлось бы добираться полдня, что на практике означало полное отсутствие какого либо контакта с герцогами-магами.

Джейн не любила ни тех, ни других. Ее матушка сконча-

лась в муках, хотя гипотетически ее могли спасти магические силы. Но великие маги такими пустяками не занимались, что казалось ей верхом несправедливости. Поэтому она выкинула из головы Каменный замок, не зная до поры до времени, каким опасностям подвергнут ее обитатели душу и тело девушки.

Джейн тепло попрощалась с мадам Кориндой и любимыми учительницами, а также с немногочисленными, но задушевными подругами, с которыми делила не только общую спальню, но и свои девичьи секреты. Все искренне пожелали ей счастья, дали в дорогу узелок с едой – путь был не близкий, с пересадками, упаковали наверх подъехавшего дорожного дилижанса чемодан с немудрящими пожитками и долго махали вслед.

Джейн было грустно уезжать из пансиона, ставшего ей родным домом на целые семь лет, но впереди ее ждала новая, незнакомая, но реальная жизнь, поэтому горевала она недолго.

Она с неистребимым любопытством прильнула к окошку дилижанса и не отрывалась от него весь путь до ближайшего города, где ей предстояло пересест в другой дилижанс и ехать уже в соседнее графство. Несколько часов она жадно разглядывала проплывающие за окном бесконечные холмы и перелески, радуясь, что уже наступила весна, а, значит, она увидит природу Брейтана во всей красе.

Семь лет назад, когда она приехала в пансион, ей мало

что удалость посмотреть – сопровождающая дама строго запретила вертеться на сиденье и вручила в руки молитвенник. Сейчас Джейн сама распоряжалась своим временем и действиями и она, не чувствуя голода, с поистине детским любопытством рассматривала проносившиеся за окном редкие деревушки, стада овец, пасущихся на изумрудных лугах, бесконечные изгороди с редкими воротами и вдыхала полной грудью аромат вереска – запах свободы и новой, взрослой жизни.

Что принесет эта жизнь – радость или боль, она не знала. Но была готова встретить все, что преподнесет судьба с достоинством и отвагой. Ближе к обеду они приехали в город, название которого Джейн не успела разглядеть. Она с трудом вышла, разминая затекшие ноги, и успела только прогуляться вдоль станции и съесть пару пирожков, как приехал дорожный дилижанс, едущий в графство Блейвикшир до Фидлторна. Джейн заплатила пару монет вознице и уже через несколько минут сидела с другими попутчиками в дилижансе.

В этот раз она уже не решилась в открытую смотреть в окно. Лишь изредка украдкой бросала взгляд, чтобы убедиться в том, что природа Блейвикшира отличается от ее родных мест – почти всю дорогу за окнами мелькали стволы исполинских сосен, уходя высоко в небо, и ветки многочисленных кустарников нередко царапали крышу и двери дилижанса.

По дороге она невольно прислушивалась к разговорам своих попутчиков, которые все как один обсуждали очередную выходку молодого наследника герцога из рода Камней. Якобы тот со своими дружками-аристократами залез на городскую башню и своей магией перевел стрелки часов на час вперед, из-за чего в городе весь день пошел наперекосяк – пекари не успели испечь хлеб, владельцы лавок напрасно ждали овощей и птицу из деревни, и даже бургомистр проснулся раньше и не мог работать целый день, из-за головной боли.

Как ни странно, среди осуждающих голосов проскальзывали и нотки восхищения, а кое-кто и откровенно гордился молодецкой удалей будущего герцога. Джейн этой гордости не разделяла и не хотела бы оказаться у этих отчаянных молодых людей на пути. От мужчин вообще следовало держаться подальше, а уж от ТАКИХ мужчин – и подавно.

Темнело. Джейн с тревогой гадала, как она доберется до поместья от развилки дорог, где ее высадит дилижанс. Что если хозяйка Фидлторна не получила ее письмо о прибытии? Но страхи были напрасны. Когда она вышла из дилижанса, чемодан уже принимал пожилой приземистый кучер, который уважительно поприветствовал новую гувернантку и предложил сесть в маленькую, но опрятную и чистую коляску.

В Фидлторн она приехала почти ночью. Все домочадцы уже спали, но для нее был накрыт ужин в гостиной в виде хо-

лодного мяса и пудинга с кружкой молока. Сонная служанка показала ей комнату, объяснив расположение дома, и Джейн, умывшись теплой водой из заботливо приготовленного кувшина, легла спать, слишком усталая, чтобы хотя бы осмотреться в новом жилище.

Утро в новом доме было восхитительно солнечным – ее поселили на втором этаже и солнце всюду светило в полукруглые мансардные окна комнаты. Обстановка не блистала богатством, но была гораздо менее аскетичной, чем в пансионе – Джейн спала на большой двуспальной кровати с тяжелым балдахином, у окна стоял столик с готовым набором для письма – несколькими чернильницами, десятком отточенных перьев, столбиком сургуча, и стопкой прелестной голубой бумаги с тиснением. Рядом с кроватью стоял большой шкаф, а напротив, у дверей – туалетный столик с тазиком и кувшином для умывания. Белоснежное полотенце и благоухающий кусок мыла лежали тут же.

Все ее три платья были благоразумно развешены в шкафу и Джейн, умывшись и причесавшись, выбрала для знакомства с семейством работодателя привычное и любимое серое, с белым воротничком и манжетами.

Когда она вошла в столовую, хозяйка и ее дочери чинно завтракали, и Джейн в некотором смущении подошла к столу и вежливо поприветствовала всех присутствующих неглубоким книксеном. Три пары одинаково голубых глаз уставились на девушку, возникла пауза и самая младшая девочка

воскликнула:

– Вы похожи на ангела!

Джейн рассмеялась и с удовольствием ответила:

– А ты, наверное, Мэри? Я твоя новая гувернантка Джейн Элиот. Можешь меня звать мисс Джейн.

Вторая девочка, также с восхищением разглядывавшая свою новую гувернантку поправила сестру:

– Не на ангела, а на святую Джейн Заступницу всех влюбленных. У меня есть картинка в книге, я вам ее покажу. И меня зовут Эмма.

И только мама девочек сохраняла невозмутимость.

– Теперь я понимаю, почему в вашем объявлении были такие строгие условия проживания и работы. И я рада вашим рекомендациям из монастыря святой Бригитты, потому что в наше время матери, воспитывающей двух дочерей нужно быть осторожной в выборе гувернанток и учителей. Меня зовут миссис Уотерхейт, я вдовствую вот уже три года, и весьма рада нашему знакомству

Миссис Уотерхейт был еще достаточно молодой, чуть за тридцать, леди, но со следами усталости на приятном, слегка полноватом лице. Ее нельзя было назвать красивой, но когда она смотрела на дочерей или говорила о них, ее глаза озялись нежностью и счастьем, абсолютно преобразившими достаточно обычную и простоватую внешность.

После завтрака она показала Джейн классную комнату для занятий с девочками, библиотеку, где можно было брать

любую книгу. А если у нее возникла бы необходимость в дополнительных материалах для учебы, миссис Уотерхейт велела говорить об этом немедленно, дабы купить желаемое в соседнем городке или заказать по почте.

Потянулись долгие, но интересные и наполненные смыслом дни. После завтрака Джейн и девочки шли в классную комнату и изучали математику, письмо и чтение. Потом следовала долгая прогулка по красивому парку поместья или игры на лужайке перед домом. После ланча у девочек было свободное время для игр в детской или чтения, потом следовали занятия на фортепиано, пение и география. После чая опять можно было погулять, а после ужина обитатели дома, как правило, укладывались спать.

Такой распорядок дня вполне устраивал Джейн. Девочки занимались охотно, она никогда их не ругала, а старалась хвалить и поощрять. До завтрака она успевала написать письма родным и знакомым, чтобы потом, после ланча отнести на почту ближайшего городка Милторна. А еще больше она любила гулять по окрестностям поместья, находя неизъяснимое удовольствие в путаных, еле видимых тропинках в лесных зарослях. Листва всех оттенков зелени на могучих деревьях почти закрывала небо, и в лесу было всегда сумрачно и влажно. По пути ей практически никогда не встречалось ни единого человека, и она могла наслаждаться одиночеством, сколько душе угодно.

Для Джейн лес был в новинку, и она не могла надышаться сыростью его изумрудного полога и ароматом сосновой смолы. Часто подолгу она сидела на берегу маленького, весело журчащего ручейка, юрко и стремительно бежавшего среди поросших мхом камней, и гадала – добежит ли ручей до океана, который грозно плескался всего лишь в сутках пути отсюда, или свернет с пути и угаснет в дремучей чащобе?

Ей уже не терпелось увидеть и океан – однодневная поездка в дилижансе заразила ее страстью к путешествиям, но девушка успокаивала себя, что еще увидит все диковинки этих мест, да и в других графствах, дай бог, ей побывать удастся. Она и не подозревала, насколько была права в предположениях насчет своей судьбы.

Закончилась весна, наступило лето, и вскоре безмятежному существованию Джейн наступила угроза. Однажды за завтраком миссис Уотерхейт небрежно обронила, что начинается сезон охоты и Джейн нужно быть аккуратнее в ее долгих лесных прогулках, чтобы не наткнуться на дикого кабана, которого затравили аристократы. Животные в таких случаях бывают крайне опасны, вздыхая, поучала хозяйка. Из сказанного Джейн поняла, что бояться ей стоило не только диких животных, но и двуногих, многие из которых особой нравственностью не отличались.

Узнав такие новости, Джейн воспользовалась удобным поводом и расспросила подробнее хозяйку, которая в обычное время не отличалась словоохотливостью и проводила

свои дни за рукоделием и чтением романов. Миссис Уотерхейт разговорилась и поведала необычайную историю благородства Каменных герцогов, которые сдавали ей поместье в аренду по минимальным расценкам в память о былых заслугах ее мужа. Это позволило ей сэкономить сумму, которую она собиралась потратить на хорошее образование и приданое для девочек.

Насколько поняла Джейн из недомолвок и намеков, покойный мистер Уотерхейт был человеком хоть и, безусловно, храбрым, но недалеким, и оставил свою жену в достаточно бедственном финансовом положении. И вдове пришлось бы влачить жалкое существование, если бы не Каменные герцоги, которые буквально вытащили ее из нищеты.

– В середине лета они отмечают праздник святого Джека Стоуна – своего небесного покровителя и у нас будет возможность попасть в Каменный замок и увидеть его во всей великолепии, – блестя глазами, заявила хозяйка, необычайно оживившись при этом.

Джейн поняла, что при отсутствии хоть каких либо развлечений, даже короткая поездка к сюзеренам для вдовы является праздником. Сама она ничуть не хотела ехать в неведомый замок, чувствуя, что дурная слава ее хозяев может сослужить для нее плохую службу. Ее вполне устраивало безмятежное существование в поместье в качестве наставницы двух любознательных и живых учениц, и не тяготило общение с недалекой, но по житейски мудрой нянюшкой девочек

и немногочисленной прислугой маленького дома.

Она не испытывала влечения к блестящему высшему обществу, соблазнов которого не познала, но много о них слышала от подруг по пансиону. Почти все ее знакомые девочки были просватаны заранее и ожидали своего замужества, коротая дни и вечера за рукоделием и уроками географии. Портреты суженых, если они были по нраву невестам, с гордостью ставились на крохотные тумбочки около узких кроватей. Ну а если жених был богат, знатен, но стар и нехорош собой – бедные девицы глотали слезы и молча терзали накрахмаленные носовые платки и молитвенники.

Но никто не мог осмелиться противостоять родительской воле. И в такие минуты, глядя в печальные глаза одноклассниц, Джейн радовалась, что она избегла подобной участи и в данный момент имела возможность сама располагать своей судьбой. Наслаждаться жизнью, зная, что ни один мужчина не может распорядиться тобой как вещью – будь то отец, брат или муж – было для нее высшей наградой и утешением ее одиночества.

Она не собиралась таиться и осторожничать в лесу, ставшим добрым другом. Поэтому, позанимавшись с девочками и отобедав горячей ветчиной и супом, она собралась снова прогуляться. Даже по прошествии двух месяцев своей службы преподавательницей она не могла надышаться пьянящим воздухом свободы после душных стен пансиона.

Джейн не стала переодевать свое простенькое серое пла-

тье с белым отложным воротничком. Манжеты, которые горничная стирала и крахмалила ежедневно, уже немного запылились, но девушка на это легкомысленно махнула рукой, накинула летний легкий плащ и выбежала из дома.

Привычный маршрут по еле видной тропинке, которой кроме нее никто не ходил, привел Джейн сначала к знакомому журчащему ручейку, а потом к толстому поваленному дереву, на котором так удобно было сидеть в часы послеполуденного зноя и читать что-то немудряще-легкое. Она удобно расположилась в переплетении ветвей и стала читать новый роман ее тезки – Джейн Вест, необыкновенно талантливой писательницы.

Однако вскоре поблизости затрубил охотничий рожок и послышался лай собак. Сначала Джейн не обратила на них внимания, но потом, уловив, что звуки приближаются к ней, на всякий случай пригнулась. Она надеялась, что за высокой травой и большим стволом поваленного дерева ее никто не увидит, а собаки, увлеченные запахом добычи, пробегут мимо.

Так и произошло. Буквально в пяти шагах от нее пронеслась большая компания молодых людей на лошадях и несколько егерей с собаками. Для верности она выждала еще несколько минут, но как только вышла на тропинку навстречу ей буквально из ниоткуда вынырнул всадник, Джейн непроизвольно вскрикнула, лошадь шарахнулась, встала на дыбы и всадник, не ожидавший такого подвоха, вылетел из

седла.

Девушка испуганно остановилась, а всадник с ругательством попытался встать, но со стоном снова рухнул за землю.

– Эй, ты там, чего встала столбом? Помогай!

Джейн настолько не ожидала такого грубого тона и панибратского с собой обращения, что даже не тронулась с места. Ее, конечно, можно было принять за прислугу, в полумраке соснового леса, но даже с людьми ниже себя по происхождению она не позволяла обращаться так презрительно.

Не дождавшись реакции, мужчина повторил свой приказ:

– Руку дай, не слышишь что ли?

Джейн охватило такое сильное желание повернуться и уйти, что она почти поддалась ему. Но помня о вежливости, сжала зубы и неохотно подошла, не забыв поправить шляпку и накинуть капюшон. Она протянула руку, мужчина повернулся, и их взгляды встретились.

Мужчин в своей жизни Джейн видела не мало. В городке, где жили они с тетей, их было с избытком – больших и маленьких, умных и глуповатых. Да и в пансионе к одноклассницам изредка приезжали братья и отцы. Но этот представитель мужского пола превзошел всех ее знакомых вместе взятых. Можно ли его было назвать красивым – Джейн сомневалась. Мощная челюсть, тяжелый взгляд темных, почти черных глаз, густые брови, почти сросшиеся на переносице, острые скулы, о которые и порезаться можно. Нет, красавцем он не был. Тогда почему Джейн зачарованно смотрела ему в

лицо, забыв о своей мгновенной неприязни к неизвестному встречному и всех правилах приличия, велевших, чтобы она скромно опустила глаза?

— А ты милашка, — хмыкнул незнакомец. — я давно не видел таких ладных девиц.

Он врал. Такую красотку он встретил впервые. И где? В глухом темном лесу, где и тропинки было не разглядеть, не то, что дороги. Что за девица шастает по лесу одна? Служанка? Горничная? Фермерша? Чтобы рассмотреть ее поближе, он бесцеремонно сдернул капюшон и, дернув за ленты, сорвал шляпку. Волосы цвета старого золота рассыпались по плечам, и он беззвучно застонал от внезапно вспыхнувшего желания. Как он не вовремя подвернул ногу! А может черт с ней? Когда больная нога могла помешать ему развлечься с девушкой?

Джейн настолько засмотрелась на колоритное мужское лицо, что пропустила все недопустимые действия незнакомца и очнулась, только когда шляпка упала на землю, а руки всадника потянулись к ее лицу.

Она, ни минуты не колеблясь, больно треснула по наглым рукам и шустро поднялась, намереваясь уйти. Но не тут-то было. Руки незнакомца молниеносно захватили ее в железный капкан и дернули на себя. Девушка повалилась на него и с ужасом ощутила, как тот пытается задрать юбку. Ее руки на секунду оказались свободны, и она от души закатила звонкую пощечину насильнику и ужом откатилась от него

подальше, вскочила и не чуя под собой ног, со всего духу припустила в сторону поместья, не оглядываясь, боясь услышать за собой тяжелый мужской топот погони.

Она бежала так быстро, насколько могла в платье и легких ботиночках. Добежав до ручья, остановилась, с трудом дыша, и чувствуя, как бешено колотится сердце. Только сейчас она поняла, что подверглась настоящему нападению и спаслась только благодаря немогщности незнакомца и своей ловкости.

Какая же она глупая! Гуляла по лесу, как по своему дому, расслабилась и потеряла осторожность. А миссис Уотерхейт предупреждала, что аристократы будут охотиться в этих лесах. Джейн задумалась, был ли похож этот господин на дворянина? В взбудораженном мозгу метались беспорядочные образы белоснежного шейного платка, дорогого жилета, вышитого золотом. Да, скорее всего, так оно и есть. И этот бесовестный аристократ был из тех, кто запросто изнасилуеет служанку в лесу, не думая о последствиях и ее чувствах. Вот дрянь!

Джейн разозлилась так, что даже передумала плакать, хотя глаза жгло от невыплаканных слез. Ей внезапно стало страшно и одиноко, лес вокруг стал враждебным и угрожающим, а за каждым деревом чудились пугающие тени, готовые наброситься на нее и закончить начатое.

Она торопливо умылась ледяной водой ручья и только сейчас обнаружила, что пропали шляпка и книга. Шляпку

не жалко, но книга была подписана на форзаце как собственность библиотеки поместья Фидлторн. И если этот наглец найдет книгу и примчится в поместье, разыскивая строптивую девицу, и увидит ее... Джейн поежилась, представив эту неприглядную картину и тут же нервно рассмеялась.

С другой стороны, с какой стати аристократ будет разыскивать служанку, которая всего лишь отказалась развлекаться с ним на лесной тропинке? Отряхнется, заползет на коня, и думать забудет о маленьком неприятном инциденте, отправляясь по своим более важным дворянским делам.

Хотелось бы в это верить. Кое-как замотав волосы в плотный пучок (а шпильки тоже остались валяться на земле у того дерева) и приведя в порядок платье, Джейн решительно отправилась домой. Она ни в чем не виновата, и забудет этот эпизод как страшный сон, предварительно вынеся из него несколько уроков: в лесу не гулять, с незнакомцами не заговаривать, гулять только в парке и брать с собой на всякий случай что-то тяжелое, или острое.

Ага, девушка усмехнулась про себя, чтобы ее зарезали тут же в кустах, предварительно надругавшись. Нет. Стрелять и защищаться она не умеет, значит надо просто осторожнее себя вести, вот и все. Приняв это решение, она успокоилась и твердым торопливым шагом направилась в поместье, где скоро должны были подавать чай.

Джейн предстояли занятия с девочками, но мыслями она была не с юными непоседами, а там – в полумраке леса. Она

настолько отвлеклась, что пришла в себя только когда Эмма сыграла сразу три менуэта и теперь послушно сидела, ожидая замечаний учительницы.

– Дорогая моя, ты играешь с каждым днем все лучше и лучше. – рассеянно улыбнулась она девочке. – А теперь, когда нам осталось полчаса до чая...

Она не сумела договорить – ее перебила младшая сестра Мэри, которая подбежала к окну и заглянула за штору:

– К нам во двор прискакал какой-то всадник! О! – в голосе девочки чувствовалось восхищение, – А с ним огромная черная собака. Она, наверное, с меня ростом! Эмма, побегим, посмотрим!

– Нет! – громче, чем следовало, возразила Джейн и обе ученицы с недоумением посмотрели на нее. – Не торопитесь, мои хорошие. Если этот человека приехал к вашей матушке по делу, вы можете помешать. А если в гости – за чаем вы сможете встретиться и с ним, и с его собакой.

Она встала, собрала ноты с фортепиано и тоном, мягким, но твердым попросила учениц прочесть еще пару глав учебника по истории Брейтана. Несмотря на внешнюю невозмутимость, сердце ее дрожало и билось. Кто был этот неожиданный гость – знакомый миссис Уотерхейт или давешний незнакомец в лесу? И если это он – что он может наговорить про нее и про себя? Да и будет ли незнакомец так стремиться в чужой дом, ради поисков предполагаемой слушанки?

Она не стала подходить к окну, боясь, что сбудутся все ее худшие опасения. То, что приехал особо важный гость, стало понятно по непрерывно хлопавшим дверям и постоянно-му топоту шагов. Джейн не стала спускаться пить чай, боясь за свое душевное равновесие. Даже если за столом окажется безобидный болтливый сосед – она была слишком взвинчена и напряжена, чтобы поддерживать светскую беседу.

Девушка даже не стала заходить на кухню, чтобы полакомиться свежее испеченными рогаликами, а сразу прошла в свою комнату и прилегла отдохнуть, не сумев справиться со своим волнением. Голова кружилась, она вновь и вновь прокручивала в мыслях произошедшие события, и раз за разом не находила своей вины в случившемся. Почему ж тогда она так волнуется? Не являются ли причиной темные глаза незнакомца и его пристальный взгляд?

Каково же было ее изумление, когда через полчаса прибежала служанка и сбившимся голосом оповестила, что хозяйка ждет Джейн в парадной гостиной, остававшейся долгое время запертой. Девушка отказалась наотрез, сославшись на головную боль, но чутье ей подсказывало, что этим так просто дело не закончится.

И на самом деле, уже через пару минут к ней пришла сама миссис Уотерхейт, против обыкновения, оживленная и румяная.

– Что вы придумали, душа моя, – пропела она почти фальцетом. – у нас такие важные гости, а вы не хотите почтить

их свои присутствием. А девочки мои все уши прожужжали о ваших достоинствах, и любопытство гостя разыгралось безмерно. Будьте добры, моя дорогая, соберитесь. А завтра я вам дам выходной. Тем более, вы его давно заслужили.

Хозяйка обошла девушку, с легким недовольством рассматривая ее платье, уже порядком помятое и запылившееся после пробежки в лесу.

– Я вам помогу переодеться и причесаться, если вы не против.

Конечно, Джейн не могла быть против. Вежливых и веселых причин для отказа не было и она покорно достала свежее платье, белое для разнообразия, и позволила сделать себе незамысловатую прическу – пучок волос и несколько локонов, выпущенных по вискам.

– Все-таки вы очень красивая девушка! – в восхищении воскликнула миссис Уотерхейт, – я очень рада, что мои девочки могут смотреть на вас и учиться грациозности и хорошим манерам.

Джейн хотела смотреть на себя в зеркало и с тоской в сердце ждала момента встречи с таинственным незнакомцем, уже не веря, что это может оказаться кто-то другой.

Они спустились на первый этаж и вошли в гостиную. Гость сидел спиной к ним, но сердце Джейн сделало крутой вираж – это был он. Та же густая копна черных волос и шейный платок. Она сжала губы, вздернула подбородок и гордо прошла на место, которое ей указала хозяйка, оказавшееся

прямо напротив визитера.

– Знакомьтесь. – голос миссис Уотерхейт был полон торжества и гордости, – мисс Джейн – перед вами молодой наследник Глейд Джонатан Уорд герцог Голладжер Каменный.

Длинное, вычурное и напыщенное имя ни в коей мере не отражало истинное лицо его носителя. При свете дня, без тени ветвей деревьев, черты его лица показались Джейн еще более резкими и пугающими. Она нарочно задержала взгляд подольше на его фигуре – сильной, поджарой и гибкой. Несмотря на модный охотничий костюм, ей казалось, что внутри человеческой оболочки сидит хищный зверь, готовый наброситься и растерзать ее.

Молчание затягивалось, становилось неловким, и она робко осмелилась поднять глаза на молодого герцога. Тот смотрел на нее с превосходством хозяина жизни, уверенного в себе и в том, что ему никогда не откажут ни в чем. Черные пронзительные глаза спокойно разглядывали девушку, не пропуская ни единой мелочи, вроде дешевой материи платья, или отсутствия украшений. Лишь лицо Джейн было краше всех драгоценностей мира. Она подняла подбородок выше, крепко сжала кулаки и отвела взгляд.

Миссис Уотрехейт недоуменно посмотрела на молчавшую Джейн и поторопилась представить и ее:

– А это гувернантка моих девочек – мисс Джейн Элиот. Ей дали отличные рекомендации монастырь святой Бригитты и...

Ее тираду прервал громкий смех герцога.

– Вы монашка?

Джейн вздрогнула и поняла, что вопрос предназначался ей.

– Нет. Я воспитывалась в пансионе мадам Коринды, а в монастыре пела на мессах.

– Вы поете? – последовал молниеносный вопрос, и Джейн прикусила губу, жалея, что сказала больше о себе, чем следовало.

– Очень плохо. – девушка отвечала кратко и сухо, надеясь, что ему надоест забрасывать ее вопросами. Внутри нее кипело возмущение от этой двусмысленной ситуации – этот тип был готов изнасиловать ее прямо на лесной тропинке, а потом, как ни в чем ни бывало, явился сюда. Для чего? Чтобы завершить начатое?

От этой мысли у нее все похолодело внутри, и она непроизвольно опять посмотрела в глаза герцогу. Тот ответил ей взглядом насмешливым и цепким, говорящим: «ты знаешь, и я знаю, что наша встреча на лесной тропинке не закончилась». В темных глазах Джейн прочитала и продолжение этой истории, и оно ей не понравилось. Очень не понравилось.

Именно этого она и опасалась. Первый встречный мужик, пусть даже и красивый, знатный и, наверное, сказочно богатый решил переспать с ней и даже не считал нужным это скрывать. Она так разозлилась, что выпалила первое, что пришло

ей в голову:

– Что привело вас в столь отдаленное место вашего огромного поместья?

– Джейн! – воскликнула испуганная хозяйка, но гость жестом прервал ее.

– Я весело проводил время на охоте, но один случайный инцидент испортил мне удовольствие – маленький пугливый зверек испугал мою лошадь и убежал, а я остался лежать с вывихнутой лодыжкой.

– А вы не могли предположить, что это вы испугали маленького зверька, и он убежал от вас сломя голову, чтобы спасти свою жизнь? – звенящим тоном возразила Джейн, чувствуя, как злость и отчаяние переполняют ее.

– В этих лесах я – хозяин всего живого! – отчеканил герцог, властно откидывая голову. – И это знает каждый живущий здесь. От меня не убежать и не скрыться, и если неразумные звери не понимают этого, то люди все знают и повинуются мне.

Миссис Уотерхейт, с возрастающим недоумением прислушиваясь к не понятному для нее диалогу, уловила смысл последней фразы и поспешила подтвердить:

– Разумеется, мы все подданные Каменных герцогов, служим им верой и правдой и готовы выполнить любое желание наших сюзеренов.

– Вы поняли, мисс Элиот? Любое желание сюзерена должно выполняться беспрекословно и незамедлительно.

Молодой хищник приподнял бровь и цедил слова лениво и небрежно, словно играя с ней. Джейн буквально всей кожей ощутила, как холодная и неумолимая воля Камня стискивает ее жизнь и свободу. Но она не собиралась сдаваться.

– Я знаю свои обязанности, которым меня обучили в пансионе, и собираюсь следовать им неукоснительно. – четко ответила она, подразумевая, что была призвана учить девочек, а не выполнять мужские прихоти.

Ее ответ не понравился герцогу, и он даже не постарался этого скрыть.

– Вы останетесь на ужин, ваша светлость? – постаралась сгладить ее резкий ответ хозяйка.

Джейн мгновенно покрылась холодным потом, представив, что этот лохотонный аристократ останется еще и на ужин, и, не дай бог, на ночь в этом доме.

– Нет, я уже послал нарочного за экипажем и вскоре он должен прибыть сюда. – герцог сделал паузу, оглядел с ног до головы гувернантку, которой так не предложил присесть и лениво процедил:

– Я надеюсь, что вы будете благоразумны в следующую нашу встречу.

Этого Джейн стерпеть не смогла.

– Я не думаю, что мы с вами когда-либо еще увидимся, милорд, – вежливо но твердо возразила она, делая книксен и намереваясь уйти, но не успев совершить этот маневр.

– Напротив! Мне так понравился ваш любезный прием,

что я в свою очередь приглашаю вас посетить мой замок. – предложение прозвучало как подачка, но миссис Уотерхейт засияла как начищенный пятак.

– Это такая честь для нас! Вы так добры и великодушны, ваша светлость!

– И не забудьте вашу красавицу-гувернантку захватить с собой. Она станет воистину великолепным украшением нашего изысканного вечера. – несмотря на витиеватый комплимент, Джейн явственно расслышала в голосе герцога угрозу и предупреждение. «Не смей отказываться» – вот о чем он говорил прямым текстом.

– Разумеется, ваша светлость. Непременно прибудем вдвоем с мисс Джейн Элиот, – леди Уотерхейт готова была сделать что угодно, лишь бы еще раз попасть в заветный замок, а сделать это в качестве персональных гостей было более чем заманчиво.

– Тогда до пятницы следующей недели.

На улице прогрохотали колеса экипажа, и герцог с неожиданной прытью, которую трудно было ожидать от якобы подвернувшего ногу человека, поднялся с кресла и тихонько свистнул. На его свист тут же рядом возник огромный черный дог, которого Джейн не замечала все это время.

– Всего хорошего, дамы.

И Глейд Джонатан Уорд герцог Голладжер Каменный, коротко кивнув на прощания, вышел, более не удостоив Джейн даже взглядом.

Они остались вдвоем, и Джейн приготовилась к упрёкам миссис Уотерхейт, вполне заслуженным, если вдуматься. Она совсем позабыла о правилах хорошего тона и отвечала герцогу как простому проходимцу. Хотя проходимцем он был не простым, очень не простым.

Хозяйка повернулась к Джейн.

– Как я вас понимаю, милочка! – лукаво заявила она, поблескивая глазами.

Девушка удивилась и, наконец, присела, чувствуя, как от усталости и запоздавшего волнения дрожат ноги.

– Я сама, будучи первый раз представленной старому герцогу, понесла какую-то околесицу про погоду, совсем как вы давеча. Что такое вы говорили молодому герцогу, что он остался таким недовольным? Что-то про животных? – но тут же, не слушая ответа, мечтательно протянула, – Я первый раз побывала в замке тринадцать лет назад, как раз после венчания с покойным своим мужем, царствие ему небесное. Это великолепное, незабываемое зрелище!

И изумленная Джейн увидела, как миссис Уотерхейт, обычно всегда сдержанная и флегматичная, радостно закружилась по комнате. А та продолжала:

– Замок огромен – это длинная бесконечная крепостная стена с грозными башнями. Несколько больших зданий, каждое находится в своей части крепости – для каждого взрослого члена семьи Каменных герцогов. У каждого свой штат прислуги, круг друзей. Можно годами жить там и ни

с кем не встречаться, если не хочешь. Когда мы навещали старого герцога – я только мельком увидела его наследника, он тогда был непоседливым, но очень привлекательным подростком.

Слушая щебетания хозяйки, Джейн налила чай в фарфор изумительной красоты и отпила сразу полчашки, так у нее от волнения пересохло горло. Она не могла не вспомнить, что обычное чаепитие проходило в малой гостиной, и чайный сервис всегда был простым, фаянсовым.

– Это подарок свекрови на нашу свадьбу. – обронила миссис Уотерхейт сухо, и тут же ее глаза снова подернулось мечтательной поволокой. – Времени у нас мало, но это ничего страшного, мы все можем успеть. Первым делом...

Но тут уже Джейн не выдержала и со всей твердостью, на какую только была способна, решительно отказалась от поездки. Ей было неприятно отказывать хозяйке, но еще страшнее было ехать в неведомый, пугающий, замок, где ее ждал настоящий хищник, невообразимый в своей властности и себялюбии.

Она поспешила удалиться, чтобы не выслушивать стенания и слезы хозяйки. От всего произошедшего с ней сегодня, разболелась голова, и противная дрожь охватывала все тело. Ей хотелось поскорее очутиться в своей комнате и еще раз обдумать все случившееся. Может ей привиделся хищный блеск этих темных глаз и она преувеличивает опасность, исходящую от молодого герцога в отношении себя?

В спальне она внимательно посмотрела на себя в зеркало. С детства она привыкла воспринимать свою внешность как данность, а эпитеты о своей красоте выслушивала от знакомых и незнакомых людей ежедневно и привыкла к ним, как к легкому ветерку, который бывает всегда, и оттого незаметен привычному глазу. Но что стоит ее красота, когда при виде ее у мужчин возникает желание не боготворить ее и взять замуж, а затащить в постель?

И молодой Каменный герцог ничем не отличается от всех остальных. Разве что он самый красивый и знатный среди мужских особей. А душа такая же черная и гнилая, как у всех. Правильно она сделала, что отказалась ехать в Каменный замок. Ничего хорошего ее там не ждет. А при зрелом размышлении может ждать и нечто ужасное, губящее и душу и тело. Джейн уснула, бесконечно размышляя о своей незавидной судьбе, и сны видела такие же сумбурные и обрывистые, как вся ее жизнь в последнее время.

Наутро все, что случилось вчера, показалось дурным сном, и она решила выкинуть досадный инцидент из головы, справедливо надеясь, что после отказа ей больше ничего не угрожает.

В своих прогулках она стала ограничиваться парком, решила заново обновить свои знания иностранных языков, которые, как известно, без ежедневной практики гаснут и растворяются во тьме сознания. А девочкам стала преподавать основы лексики и произношения, мудро рассудив, что хоро-

шая база всегда поможет им выучить язык под руководством настоящего специалиста. Навыки игры на рояле также слегка подзабылись, поэтому Джейн взяла себе за правило упражняться на инструменте каждый день не менее часа.

Таким образом, изгнав праздность ума и вольность мыслей, она полностью заглушила нотки беспокойства, которые прорывались сквозь общее благодушие ее существования. Оставалось надеяться, что тот человек, с которым она встрети­лась на лесной тропинке, и думать забыл про нее.

Однако Джейн недооценила опасность, исходившую от встречи в лесу и последующего визита в поместье. Дня че­рез три, когда она уже совершенно было успокоилась, миссис Уотерхейт позвала ее в гостиную. Выглядела она почти та­кой же воодушевленный, как в день приезда высокого гостя.

– Дорогая Джейн. Я отписала в замок, что вы не можете ответить на приглашение, по причине того, что вашей пер­вейшей обязанностью является образование моих дочерей, если я правильно поняла причину вашего отказа.

Джейн подумала, что причина отказа была совсем другой, но для официальной версии подойдет и эта.

– И мне в ответ прислали письмо, которое я хочу вам про­честь. Письма из замка мне присылают раз в год, где излага­ются в основном хозяйственные вопросы, поэтому я бы по­просила уделить ему повышенное внимание. После такого предисловия девушка почувствовала смутное беспокойство, которое по мере прочтения письма переросло в настоящую

тревогу.

Писал даже не сам Глейд, а его управляющий. На нескольких страницах он излагал многочисленные решения проблем миссис Уотерхейт, начиная от починки крыши, заканчивая обучением девочек в пансионе за счет Каменных герцогов. Все это хозяйка зачитывала дрожащим от волнения голосом, не в силах справиться с волнением и поверить своему счастью.

А в конце последней страницы была маленькая и лаконичная приписка: «...что касается приглашения Джейн Элиот, то ее присутствие господин его светлость Глейд Джонатан Уорд герцог Голладжер Каменный считает крайне необходимым и присылает (с оплатой) в Фидлторн на все время ее пребывания в замке двух учительниц пансиона Брисхолл.

– Вы понимаете, Джейн! Брисхолл! Там преподают только самые искусные преподавательницы в округе и они позанимаются с моими дочками совершенно бесплатно. И пансион для моих девочек после их домашнего обучения! Их светлость никогда не был так щедр ко мне!

Выслушав эти восклицания, Джейн ощутила, что ее ловко загоняют в угол, шантажируя благодеяниями для миссис Уотерхейт и ее дочек. Но оставаться пассивной жертвой она не желала.

– Как вы думаете, миссис Уотерхейт... – начала она, но хозяйка ее перебила:

– Можете называть меня леди Агата.

– Хорошо, леди Агата. Вам не кажется очень подозрительным то, что меня, обычную гувернантку, так настойчиво приглашают в замок, используя для этого все возможные средства?

– Что вы хотите этим сказать? – хозяйка от удивления широко открыла глаза.

– Я подозреваю, что ваш каменный герцог, во время пребывания его здесь, составил обо мне определенное мнение, не очень лестное для меня и моей репутации.

Несколько минут леди Агата обдумывала услышанное, и широкая улыбка осветила ее лицо.

– Ну что вы, дорогая моя! Вы конечно, очень красивая девушка, спору нет. Но вам показалось, уверяю вас. – поколебавшись немного, она присела рядом с Джейн и заговорила понизила голос. – То, что я вам сейчас скажу, обычно не говорят в присутствии молоденьких незамужних девушек. Но вы, как я успела заметить, на редкость здравомыслящая особа, поэтому вы поймете меня правильно.

Леди Агата в смущении расправила несуществующие складки на платье и начала:

– Во-первых, молодой герцог Глейд женат.

Вот, мерзавец, подумала Джейн, но вслух, разумеется, этого не произнесла.

– Женился он давно, сразу после своего совершеннолетия. Эта женитьба была задумана давно, как упрочение союза между Каменными и Золотыми герцогами, но принесла

только горести Каменному семейству. Через три года бедная жена сошла с ума.

Джейн не поверила своим ушам. Первая жена герцога сумасшедшая?!? Этого не может быть?

— Она жива? Их развели?

— Она жива и по-прежнему живет в Каменном замке, под усиленной охраной, конечно. И, как вы знаете, пяти герцогским семействам по законам нашего королевства позволено то, что нельзя другим — например, развестись в случае, если один из супругов сошел с ума, или в браке нет потомства мужского пола.

Леди Агата понизила голос до драматического шепота, хотя в комнате, разумеется, никого не было.

— Но молодой герцог наотрез отказался разводиться с бедняжкой.

— Он ее так любит?

— Ну что вы, о любви и речи не было в этом случае. Наоборот, его светлость лорд Глейд всеми силами пытался избежать такого раннего брака, и даже сбежал на западный континент. Его практически заставили это сделать, и сейчас он мстит своему отцу, Золотым герцогам и королю заодно, не разводясь с сумасшедшей. Он не может жениться снова и родить наследника. Старый герцог в опале, Золотое семейство в немилости, что скрыли обстоятельства рождения племянницы самого герцога-мага. Его брат женился в свое время на особе вспыльчивой и истеричной, но она умерла при ро-

дах, а ее дочка выросла очень красивой. Ее выдали замуж за наследника каменных и в результате получился большой скандал.

– А молодой герцог сейчас наслаждается свободой и способностью влиять на стольких высокопоставленных персон. – сделала выводы Джейн.

– Совершенно верно, моя дорогая. Что не мешает ему менять любовниц, актрис и куртизанок как перчатки. Если бы видели, Джейн, какие знатные красавицы побывали в его постели, вы бы оставили всякие опасения насчет себя.

Тут леди Агата нагнулась и прошептала ей на ухо:

– Включая некоторых коронованных особ!

– Действительно, в таком перечне дам высшего света нет места обычной гувернантке. И я думаю, речи не идет о насилии или угрозах сего стороны, – добавила девушка задумчиво.

– Конечно, нет! О его мужских способностях ходят легенды, он же ко всему прочему, маг! Только этого я вам не говорила, – зарумянилась миссис Уотерхейт. – Так что оставьте все ваши опасения и смело готовьтесь к поездке. Тем более, визит будет кратковременным, не более суток, и за это время нам надо успеть посмотреть все самое интересное. А времени на подготовку осталось только три дня.

Гардероб Джейн Элиот леди Уотерхейт нашла крайне бедным и неподходящим для визитов ко двору. И правда – Джейн для повседневной жизни хватало трех платьев, а

праздников в ее жизни не водилось. Но ни одно из платьев не годилось для столь торжественного случая. И вот беда – ни у Джейн, ни у леди Агаты не было лишних средств для шитья нового туалета. Подумав хорошенько, миссис Уотрхейт предложила Джейн примерить ее девичьи наряды, добавив смущенно, что до замужества она обладала не менее тонкой талией, чем была у девушки сейчас.

Велев горничной и кучеру принести сундуки с чердака, леди Агата и Джейн стали перебирать наряды тринадцатилетней давности. Все платье были в пору девушке, и смотрелись очень мило и удивительно ей шли, но безнадежно устарели на целое десятилетие. Леди Агату этот факт весьма огорчил, а Джейн обрадовал. Она решила, что явившись в Каменный замок в старомодных нарядах, она таким образом насмешит тамошнюю публику, ее найдут жалкой и провинциальной, и это отпугнет милорда. И порыв страсти, который охватил его тогда в лесу, остынет под градом косых взглядов и пересудов.

Она верила словам хозяйки о высокопоставленных любовницах его светлости, но не считала, что это может мешать ему задираТЬ юбки служанок, оказавшихся у него на пути. Одно другому не мешает, как говорится.

ГЛАВА 2.

В назначенный день за ними приехала нарядная карета

с вензелем, запряженная тройкой холеных лошадей. И дворянка и гувернантка ощутили себя одинаково оробевшими перед показной роскошью экипажа, и всю дорогу до замка молчали.

Когда карета подъезжала к обширному парку, окружавшему замок, Джейн не выдержала и прильнула к окну. Когда ей еще удастся полюбоваться Каменным замком? Если удастся ее затея – она больше никогда не встретится ни с герцогом, ни с его владениями.

Вид замка произвел на нее ошеломительное впечатление – огромная крепостная стена, увенчанная сетью грозных башен и остроконечные шпили многочисленных домов – все внушало трепет, и даже страх перед могуществом и властью рода Каменных герцогов. Многовековое господство позволяло им распоряжаться не только землями, но и душами людей, населяющих их.

Встретила и проводила их в гостевые комнаты экономка. К обеду попросила не опаздывать и обещала прислать служанку, чтобы та помогла им освежиться с дороги и проводила через запутанные лабиринты коридоров в гостиную.

К этому времени Джейн настолько устала шараться от каждого услышанного шага, ожидая явления милорда, что вступила в гостиную почти спокойно. И не увидев там молодого герцога, обрадовалась. Общество, которому их представили, оказалось пестрым и разнообразным. Дворяне окрестных поместий, званием, как подозревала Джейн, не ниже ба-

ронета и их разнаряженные жены и дочери выслушали представление леди Агаты равнодушно и почти тут же продолжили разговоры.

Джейн ожидала этого, и как и того, что когда присела на маленький диванчик в одиночестве, на нее тут же стали поглядывать украдкой девицы, которые в отличие от нее, одетой в скромный ситцевый голубенький наряд с белым воротничком и манжетами, выглядели разноцветными и экзотическими птичками-колибри. Шелковые и атласные платица, обильно обшитые кружевами и оборками, даже в сравнение не шли с ее видом.

Джейн совершенно успокоилась и с тайной усмешкой стала наблюдать, как наиболее смелые кавалеры барышень, те, которые помоложе и посимпатичнее, стали нарезать круги вокруг ее кушетки, не решаясь просто подойти и заговорить.

Девицы, заметив эти маневры, и желая их пресечь, специально заговорили о своих гувернантках, особах малосимпатичных и невежественных, намереваясь как можно больше задеть Джейн.

Все это было предсказуемо для Джейн, и поэтому не доставляло ей никаких огорчений. Она даже решила, что если весь их визит пройдет также, то она сможет выйти из этой щекотливой ситуации без потери таким трудом восстановленного душевного равновесия.

Но не успела она даже подумать об этом, как дверь распахнулась, и царственным горделивым шагом явился винов-

ник ее переживаний – молодой герцог его светлость Глейд Джонатан Уорд герцог Голладжер Каменный. Одетый в превосходно сшитый костюм, сидевший на нем как влитой, и не стесняющий его грацию дикого хищника, он быстро обвел взглядом гостиную и не без труда заметил Джейн, одиноко сидящую на кушетке.

Она лишь на миг взглянула в его темные глаза и тотчас же отвела взгляд, не собираясь поддаваться на его демоническое обаяние. А все общество неимоверно оживилось при его появлении, барышни выпрямились и развернули веера, матроны постарше заулыбались приторно сладко, а мужчины встали, и, развернувшись, дружно закивали.

На всю эту суету его светлость ответил коротким кивком и направился прямо к Джейн.

Черт, выругалась она про себя, когда заметила траекторию его движения, и с треском захлопнула веер. Она прекрасно знала, что на тайном языке вееров это означало крайнее недовольство хозяйки, но ей было все равно. Если он осмелится поцеловать ей руку, что будет означать высшую степень неприличия для незамужней девушки, она встанет и уйдет.

Глейд прекрасно видел, как нервничает девушка и был доволен такой реакцией. Пощечина в лесу, холодность, с какой она разговаривала с ним в Фидлторне, и шум веера, который слышали и видели все, – все это выдавало натуру страстную и гордую. Вполне возможно, что девушка сама не понимала

глубину своей чувственности? Тем интереснее будет охота и последующее наслаждение.

Он намеренно задержал пальцы Джейн в своей руке подольше, видя, что это не ускользнуло от ее внимания, и с удовольствием наблюдал, как краснеют ее щеки. Джейн поспешно выдернула руку и с трудом сдержала порыв отодвинуться, когда герцог присел рядом.

– Вам понравилось в замке? – повел он светскую беседу, начиная неспешно ласкать Джейн глазами, неторопливо оглядывая ее с ног до головы, останавливаясь на наиболее интересных местах.

Девушка опять заалела, как маков цвет. Она была неопытна в любовных делах и флирте, и понятия не имела, как вести себя при столь откровенном взгляде. Сейчас он в ней вызывал тревогу и неудобство, как будто при всем честном народе ее раздевали донага.

– Замок чудесен. – она почувствовала, как дрожит голос, и прокашлялась, не желая, чтобы все видели ее смущение. – Но у нас не было возможности как следует осмотреть его, так как мы прибыли только утром.

– Это большое упущение с вашей стороны, – неторопливо и обманчиво мягко продолжал герцог. Джейн его голос напоминал урчание хищника, который решил поиграть со своей жертвой. – Я бы посоветовал вам первым делом заглянуть на конюшню. Я соержу отменных породистых лошадей, каждая из которых стоит целое состояние. Недавно султан Би-

хрейна подарил мне замечательную кобылу – молодую, дикую и норовистую. Она была необузданна и горяча в своем упрямстве не признавать хозяйскую руку. Но я обуздал ее, испытывая при этом непередаваемое наслаждение от покорения такой гордой красавицы.

Он говорил в полголоса, так, чтобы слышала только Джейн, и только это спасало ее от необдуманного поступка. Люди не лошади, хотелось ей крикнуть, и она – не кобыла! И не станет наслаждаться своим «обузданием».

– Я предпочту прогуляться по саду, – звенящим от ненависти голосом ответила она.

– Прекрасно! – подхватил Глейд. – Я составлю вам компанию.

Джейн беззвучно застонала. По своей неопытности она попала в ловушку слов, и теперь одному богу было известно, во что может вылиться эта прогулка по саду, в котором было так много укромных мест. Она стала лихорадочно размышлять, будет ли отсутствие шляпки и шали достаточным предлогом для отказа, но этот змей все предусмотрел.

– Вашу накидку и шляпку сейчас принесут.

Герцог встал и подал ей руку. Джейн беспомощно оглянулась – все делали вид, что ничего особенного не происходит, подумаешь, наследник одного из знатнейших родов королевства решил прогуляться с неизвестной, но очень красивой гувернанткой. Наедине. Без сопровождающих.

Ей никто не поможет и никто не спасет, отчетливо поня-

ла Джейн, даже если герцогу придет в голову идея овладеть ею под кустами цветущих роз. Значит, только в ее собственных руках находится ее спасение. Она взяла его ладонь кончиками пальцев и поднялась, стараясь держаться прямо и с достоинством, как будто ничего, кроме приятной прогулки по саду ей не предлагали. Она бросила взгляд на леди Уотерхейт – та безмятежно ей кивала, одобрительно улыбаясь.

По коридорам и лестницам замка они прошли молча, Джейн только успевала замечать бесшумно сновавших лакеев и горничных. Замок жил своей жизнью – везде прибирали, чистили, скребли, вытряхивали и подметали. Однако все это делалось так быстро и ловко, что не доставляло обитателям и гостям замка никаких хлопот. Джейн еще помнила, как будучи воспитанницей пансиона сама, наряду с остальными девочками застилала свою постель и чинила одежду. Сейчас к ее услугам готовы были предоставить и горничную и служанку, но взамен этого требовали слишком многого.

Спустившись по длинной парадной лестнице, они вышли в регулярный, отмерянный как по линейке, сад. Тисовые аллеи, подстриженные так идеально, что казались произведением искусства, ровные клумбы с ромбами и треугольниками из цветов – здесь природа полностью подчинилась человеку.

– У вас была цель сделать из растений учебник по геометрии? – разбила она тишину, готовая говорить о чем угодно, лишь бы не думать об угрозе и неведомой опасности.

Герцог чуть выгнул бровь и насмешливо ответил:

– Вы подвергаете критике искусство моих садовников?

– Я не навязывала вам свое общество. – резче, чем следовало, ответила Джейн, пристально смотря в сторону.

– Ну что вы, Джейн, ваше общество – это честь для меня.

– Однако там, на лесной тропинке, вы так не думали! – девушке надоело ходить вокруг да около и со страхом ждать непоправимого.

Глейд вздохнул и, показав рукой на зеленый лабиринт, ловко направил ее туда.

– Я понимаю, что у нас было плохое начало.

– Начало? – Джейн широко распахнула глаза, – Я решила, и не без оснований, что вы хотели меня изнасиловать.

– Я предпочел бы слово «заняться любовью», с вашего позволения. Еще ни одна девушка не смогла упрекнуть меня в насилии, да будет вам известно.

– Странно, у меня сложилось другое впечатление.

Увлечшись разговором, она не заметила, как они очутились в закоулках зеленого лабиринта, укрытые от посторонних взглядов вьющимся диким виноградом.

– Тогда я не знал, что вы не простая девушка, а гувернантка леди Агаты.

– А этот факт что-то меняет?

Видимо, герцогу надоел весь этот бессмысленный разговор, и он стиснул руки Джейн сильнее, чем следовало:

– Вы правы. Это все не важно. Важны только наши чув-

ства.

– Наши! – ахнула Джейн. – Никаких «нас» нет, и не будет.

Глейд прислонил ее к изгороди так стремительно, что Джейн даже глазом моргнуть не успела.

– Ошибаетесь, Джейн Элиот. – он снял перчатку и едва касаясь провел рукой по ее щеке, – у нас с вами будет все, и даже больше. И уже вы, а не я, будете настаивать на нашей близости.

– Никогда!

Джейн пыталась оттолкнуть герцога, но это было также бесполезно, как сдвинуть с места кирпичную стену. Она поняла, что весь разговор до этого момента был не более чем отвлекающим маневром перед решающей схваткой.

– Никогда я не буду вашей! – прошипела Джейн ему в лицо, видя, как от гнева еще больше темнеют его глаза, и начинает пульсировать жилка на виске.

А Глейд не церемонясь, развернул ее спиной к себе, зажал руки сзади, и, стиснув ее в железных объятьях, стал шептать на ухо:

– Глупенькая, я буду очень нежен и ласков с тобой.

Однако вопреки своим словам он крепко держал ее за шею цепкими холодными пальцами, не сдавливая, но и не отпуская.

– А если ты еще девственница, тебе будет больно только одно мгновение, а потом, я обещаю, ничего плохого с тобой не случится.

Слушая этот лихорадочный и страстный шепот, и ощущая пальцы на своей шее, Джейн чувствовала, что теряет способность трезво мыслить.

– Я вообще не хочу попадать в вашу постель! – из последних сил закричала она.

– Ты хочешь сделать это прямо здесь? – деланно удивился герцог и, не удержавшись, легко поцеловал ее в шею.

Девушка ощутила этот поцелуй всеми оголенными нервами и дернулась, в тщетной попытке увернуться от следующего.

– Стоять! – грозный рык пригвоздил ее к земле. – Ты права, здесь неподходящее время и место. Я отпущу тебя, но при одном условии...

Джейн замерла, не в силах поверить в свое скорое освобождение. Герцог провел губами по ее щеке, еле-еле касаясь кожи, и обжигая своим дыханием.

– Если ты подаришь мне всего лишь один поцелуй. Сама. Добровольно.

Джейн лишь на мгновение подумала, что один поцелуй это лучше, чем унижительная возня в кустах, но потом догадалась, что это очередная ловушка охваченного страстью мужчины.

– Не дождетесь!

– Отлично. Тогда начнем урок покорности и послушания прямо сейчас.

Он развернул ее к себе и впился ртом в неподатливые и

жестко сомкнутые губы, которые девушка не собиралась открывать в ответ на такое неприкрытое насилие. Не собиралась, пока от недостатка воздуха не стало темнеть в глазах. Она попыталась сделать вдох и герцог, воспользовавшись этим, стал целовать ее еще яростнее и беспощаднее. Никакой ласки и нежности не было и в помине. Он жестко показывал, кто здесь хозяин и как нужно слушаться его приказов.

От непрерывных поцелуев у Джейн закружилась голова и она начала безвольно оседать в его руках. Неужели я так просто сдамся, – заполошно мелькнула мысль, – неужели все кончено?

– У нас впереди так много интересного, мой ангел. – ее мучитель прервал поцелуй и медленно провел пальцем по распухшим от безжалостного поцелуя губам. – И мы можем не торопиться.

Вдали прогудел громкий охотничий рожок и герцог, вздрогнув, выругался.

– Как это не вовремя. – и мгновенно изменившись, стал опять учтивым и вежливым хозяином: – Встретимся сегодня вечером, моя строптивница.

Он подчеркнуто отстраненно взял ее под руку, вывел из зеленого лабиринта и коротко кивнув, удалился.

У Джейн разом подкосились ноги, и она еле удержалась, чтобы тут же не свалиться на ровно подстриженный газон. Где-то внизу находился другой ярус парка – свободной планировки, и перевести дух следовало там, подальше от люд-

ских глаз. Она поправила шляпку, слава богу, на этот раз сей предмет туалета удержалась на волосах, а веер – на запястье, и быстро добежала до тенистой аллеи лип. Там, она без сил упала на лавочку в надежде на облегчительные слезы, но не смогла выдавить ни слезинки. Вместо рыданий ее душила злоба и горечь от несправедливости положения. Молодой герцог, который мог взять себе в постель любую красавицу, вдруг, по неведомым причинам захотел ее! И никто не может его ни остановить, ни покарать за содеянное.

Но что было самым несправедливым – если все поймут, что она провела ночь с молодым герцогом, именно на нее падет весь позор ее положения. Бесчестие этого поступка будет преследовать ее всю жизнь и ей ничего не останется делать, как удалиться в монастырь. Джейн вздрогнула от этого предположения, но такой вариант обустройства своей дальнейшей жизни не стоило отвергать. Обдумать хорошенько на досуге, написать настоятельнице монастыря святой Бригитты, где она пела, и расспросить, на каких условиях можно поселиться в монастыре.

Девушка приободрилась – из любой ситуации можно было найти выход. Надо лишь не отчаиваться и искать. Она нашла в себе силы вернуться в замок, немного опасаясь, что могут заметить ее растрепанный вид и припухшие от поцелуя губы. Но никто не обращал на нее внимания – все суетливо бегали туда-сюда, у большой парадной лестницы стояли кареты, экипажи и коляски, масса народу толкалась с багажом

и дорожными вещами. Судя по всему, приехала очередная делегация гостей.

Отлично, – подумала Джейн, молодому герцогу будет не до нее все это время, и она сможет тихонечко улизнуть из замка. Однако, когда она с большим трудом разыскала главного кучера и объяснила свою просьбу, тот сделал большие глаза и долго и занудливо объяснял, как чрезвычайно заняты вся обслуга замка. Только через четверть часа ей удалось выяснить, что приказ увезти гостей из Фидлторна уже отдан, но произойдет это... завтра.

Такая новость и обрадовала и огорчила Джейн. Завтра она будет свободна и предпримет все необходимые шаги в обустройстве своей дальнейшей судьбы. Но каким подлецом оказался герцог! Он был готов выпроводить ее с еще не остывшего ложа их предполагаемой любви. Одна ночь! Как мало было ему нужно от нее, и какие последствия может иметь для нее эта аристократическая «шалость» .

Джейн поймала самую бойкую служанку и выяснила, как пройти в их покои. Там уже был накрыт обед – по этикету ее за общий стол с господами не сажали, и Джейн это вполне устраивало в ее нынешнем положении, но и злило неимоверно. За столом она сидеть не достойна, зато греть постель – пожалуйста.

Отведав понемногу и куриного заливного, и супа-пюре из спаржи с трюфелями и фруктового кекса, она воспрянула духом. Осталось пережить эту ночь – и весь кошмар закончит-

ся! Едва Джейн переоделась для прогулки по замку, как пришла другая служанка побойчее и поухватистее, и с порога радостно защебетала, как той повезло, что ей выделяют отдельную большую комнату с красивым видом из окна, правда в другом крыле и на другом этаже.

Джейн не могла поверить ушам – этот приткий развратник все предусмотрел! Она как сомнамбула последовала за служанкой, ужасаясь неотвратимости своего падения. В новой комнате оказалась огромная кровать и не менее большой камин, а на красивом покрывале лежала изысканная батистовая сорочка с кружевами. Девушка с негодованием повернулась к служанке, а та с улыбкой твердила о личном распоряжении хозяина, все своим видом показывая, как Джейн повезло.

– Наш хозяин такой щедрый, такой красавец, любая рада будет его вниманию!

– Побойся бога, он женат!

Служанка хлопала глазами:

– Так жена с ума сошла, почитай, что и нет ее уже. А такому молодому да горячему негоже без женской ласки оставаться!

– Прошу оставить меня одну! – не выдержала этой болтовни Джейн.

– Как скажете, – та обиженно кивнула и удалилась.

Дело принимало скверный оборот. Нужно было что-то решать. Но что? Если она дождется герцога в этой комнате, ее

уже ничего не спасет. Ночевать на лавочке в саду? А может сразу в карете, которая должна увезти их домой? Только где ее найти и как узнать, что это именно она? Нет, это все не то.

В минуту горестных раздумий Джейн всегда помогали книги. Они служили утешением, советчиком и последним пристанищем отчаявшейся девочки, оставшейся совсем одной в этом чужом холодном мире. Джейн тихо закрыла дверь в комнату, стараясь не смотреть на пеньюар, и побрела по коридорам замка, по пути разглядывая гобелены и картины. Несмотря на свое двусмысленное положение в замке, она не хотела упустить случая рассмотреть здесь все так тщательно, чтобы хватило на воспоминания долгими зимними вечерами.

Каждая штора на окне, каждый кусок обивки кресла, каждый завиток комода вызывал благоговение и трепет – было видно сразу, что вещи в этом доме ценились и передавались из поколения в поколение. На портретах были изображены незнакомые дамы и господа, мрачные и темные из прошлых веков, нарядные и жизнерадостные из века нынешнего. Не все были похожи на герцога, но все как один имели вид величавый и горделивый, будь то военные в мундирах, или господа в камзолах и фраках.

Девушка уже прошла бесчисленное количество коридоров и залов, но так и не нашла бы самостоятельно библиотеки, если бы не один из лакеев, любезно проводивший ее туда. Очутившись в огромном зале, полном книг, Джейн за-

была обо всем на свете. Круглый зал, освещенный цветными сиянием солнца, пробивающегося сквозь большие витражи, большая галерея, идущая вторым этажом, узенькие винтовые лестники, и масса скамеек, обитых плюшем – все вызывало восторг и трепет и манило к себе.

Джейн, забыв о времени и обстоятельствах, принуждающих ее быть несчастной, ощутила себя девочкой в комнате, полной подарков под елкой. Ей хотелось прочесть все и сразу, и на минуту она даже подумала, каково жить в этом замке и иметь возможность каждый день приходить в такое чудесное место!

Она как во сне бродила между полками, забиралась по маленьким лестнкам и спускалась в другом месте. Масса книг была на незнакомых Джейн языках, хотя она знала еще два, помимо брейтанского. Но и просто рассматривать солидные кожаные тома тисненные золотом ей доставляло удовольствие. Наконец, совершенно обессиленная, но абсолютно счастливая, она уселась на одну из многочисленных кушеток, и потянулась к ближайшему шкафчику из резного ореха.

Приглядевшись повнимательней к резьбе, покрывавшей створки, она покраснела – из под искусного резца мастера вышли обнаженные мужчины и женщины, прихотливо изогнувшиеся в разных позах, перевитые пышноцветущими растениями и ветвями деревьев. Что за книги хранились в этом шкафу – не трудно было догадаться. Она почувствова-

ла себе женой синей бороды, которой очень хочется открыть дверцу комнаты, но последствия этого могут быть ужасны.

Не то чтобы Джейн ничего не знала об отношениях между мужчиной и женщиной. Знала. Но этих отрывочных сведений было мало для ее пытливого и проницательного ума. Больше всего ей запомнилась фраза ее подруги по пансиону, выданной замуж за барона, вдвое старше ее. Та выходила замуж вся в слезах, а через месяц прислала Джейн письмо с загадочной народной поговоркой *«Пять минут терпезу – неделя балдежу»*. Какие пять минут и почему они обеспечивали неделю счастья, если перевести с просторечного на литературный язык, она узнала от другой своей подруги, которая была просватана за своего соседа, давно и взаимно любимого.

Оказывается, любовные игры у мужчин разнились по времени, и пока женщина испытывала неудобство и даже боль, они испытывали удовольствие. Но длилось это от пяти до пятнадцати минут, и как откровенничала ее одноклассница, если «долго-долго целоваться, то становилось даже приятно».

Что может быть приятного, в ерзании чужого мужского тела на себе, Джейн не понимала. Разве что давешний поцелуй, когда она почти потеряла сознание от нехватки воздуха, показывал, что ждет ее в случае неповиновения. Ее будут целовать до состояния безволия и опустошенности, а потом лишат невинности, а с ней – и надежд на счастливое семей-

ное будущее.

Хватит. Предупрежден, значит вооружен. Джейн решительно открыла шкаф, выхватила с полки первую попавшуюся книгу, смело открыла ее... и чуть было не закрыла обратно. Картины, открывшиеся ей, были настолько неприличными и вопиюще безнравственными, что девушка могла лишь круглыми от удивления глазами смотреть на это все и жалеть о собственной участи.

Какие пять или пятнадцать минут! Да тут всей ночи не хватит, чтобы изобразить все те позы, которые лицезрела Джейн. Слава богу, что все это она увидела сейчас, а не сегодня ночью, когда могла сглупить, и, понадеявшись на свои скудные знания, уступить домогательствам герцога. Теперь она знала, попади к нему в кровать, она выберется оттуда падшей женщиной, утратившей всякие иллюзии.

Именно в этот момент ее и нашла леди Уотерхейт, взволнованная и возбужденная донельзя.

– Вас ждут в большой гостиной, – обратилась она к девушке, не обращая внимания на книгу в ее руках.

– Зачем я там понадобилась? – удивилась Джейн.

– Боюсь, что это я этому виной, – потупила глаза леди Агата, – я не удержалась и похвасталась, какая вы искусная певица, и теперь вас ждет самое изысканное общество, какое вы только могли себе представить.

– Насколько изысканное? – Джейн не хотела покидать полюбившееся ей место, даже ради друзей молодого герцога,

но на всякий случай захлопнула книгу и вернула ее в шкаф.

— А вы ничего не знаете? — Леди Агата подсела к Джейн, развернула веер и заворковала в полголоса, хотя в библиотеке кроме них никого не было. — Утром к его светлости приехала с визитом ее высочество леди Изабелла Кастильерос-Винчигуэрра, сестра жены нашего короля.

Порывшись в памяти, Джейн вспомнила это имя и нашу-мевшую историю в связи с ним. Лет пять назад девочки в пансионе, шушукаясь, передавали эту историю из уст в уста, как молоденькую и своенравную свояченицу короля выдали замуж за такого же необузданного нравом ревница графа Винчигуэрру. Не прошло и года, как он стрелялся на дуэли из-за вольных нравов своей женушки и был убит, а веселую вдовушку спровадили обратно, к брейтанскому двору.

— И если у вас были опасения насчет намерений герцога, то вы должны тотчас успокоиться, — добавила леди Агата, — принцесса ни на миг не отходит от его светлости, и выглядят они как влюбленные голубки.

У Джейн отлегло от сердца. Она помнила о разложенном пеньюаре на кровати, но точно также могла предполагать, что герцог уже передумал спать с ней в одной постели. Ну что ж. В таком случае, можно и спеть.

Пока они шли в большую гостиную, леди Агата не замолкала ни на минуту.

— Видели бы вы, моя дорогая, на каком роскошном обеде мне довелось побывать. Гостей было человек пятьдесят, не

меньше. У каждого за спиной лакей с подносом, не успеешь доесть одно, тебе уже несут другое. Я сидела далеко от герцога и принцессы, ведь я всего лишь вдова барона, но в просвете между вазами с оранжерейными фруктами и цветами могла наблюдать за ними. Они такая красивая пара!

Джейн шла рядом и думала, что не смогла бы есть спокойно, если бы за спиной стоял человек и внимательно следил за твоей тарелкой. И, слава богу, что она всего лишь дочка священника и внука торговца шерстью. Ей ни к чему такие высокие отношения, когда последняя кухарка в замке знает, что сегодня ночью тебя уложит в постель их господин. Как там сказала одна из королев прошлого? «Лучше быть женой сапожника, чем любовницей короля».

Придя в гостиную, они привлекли всеобщее внимание. Она увидела рядом с герцогом женщину, и сама смогла оценить, какие они с принцессой Изабеллой красивая пара – оба черноволосые, темноглазые, высокие, с гибкостью и грацией пантер. Лорд Глейд как всегда был в безукоризненно сидящем фраке, с белоснежным, искусно завязанный шейным платком, а леди Изабелла сияла ослепительными драгоценностями и платьем по последней моде. Причем мода позволила ей оголить грудь до такой степени, что стоило ей вздохнуть поглубже, и все ее природное богатство вырвалось бы наружу.

Джейн в своем муслиновом белом платье в мелкий цветочек, закрытом наглухо под горло, почувствовала себя по-

слушницей при монастыре и очень обрадовалась такому контрасту. Так герцог еще быстрее поймет, кто ему на самом деле нужен.

– Господа, позвольте вам представить мисс Джейн Элиот. – леди Агата сияла как начищенный пятак, – Она замечательно поет и сейчас, я надеюсь, порадует нас всех своим талантом.

Не обращая внимания на обращенные на нее взгляды многочисленных гостей, Джейн решительно прошла к роялю, за которым уже сидел пожилой музыкант, и попросила разрешения посмотреть ноты. У нее возникла интересная идея, от которой она не собиралась отказываться, даже с учетом свежих новостей от леди Агаты.

– Чем же вы порадуете нас, мисс? – звучно, перекрыв все светскую болтовню, спросил герцог.

– Эта старинная народная песня. Вам понравится, ваша светлость.

Она сделала ударения на слове «понравится» и с вызовом посмотрела ему в глаза. Он с усмешкой принял вызов и кивнул головой.

– Где вы раскопали этот раритет, мой герцог, – слышался томный капризный голос справа. Принцесса решила высказать свое мнение насчет происходящего. – На ней платье, которая носила моя мама, а прическа напоминает осинное гнездо.

– Завидуете, моя дорогая? – насмешливо спросил Глейд.

– Чему тут завидовать? – она недоуменно посмотрела поочередно на них обоих и ужаснулась. – Вы хотите сделать ее своей любовницей? Эту неотесанную провинциалку?

Герцог даже не стал отвечать на эту реплику, взяв с подноса услужливого лакея бокал с шампанским. Изабелла лихорадочно размышляла – она приехала в замок к Каменному герцогу в надежде развеяться и вновь ощутить наслаждение, которое она испытала когда-то в его объятьях. Глейд понимал ее потребности как никто другой, и упускать случай развлечься из-за какой-то девчонки она не намерена. Но действовать в лоб – значит обозлить этого мужчину и потерять божественного любовника.

– Может, тогда вы приведете эту девочку в нашу кровать, и мы повеселимся втроем? – промурлыкала она, закрывая их лица веером, и скрывая разговор от посторонних взглядов.

Герцог приподнял одну бровь и окинул равнодушным взглядом титулованную прелестницу.

– Даже ваше испорченное воображение не сможет помещать мне в моих планах. Потерпите недельку, душа моя, и я буду в полном вашем распоряжении.

– Неделю?

Изабелла поперхнулась и чтобы скрыть свою ярость, тоже взяла бокал с шампанским. Ею будут пренебрегать целую неделю, ради какой-то безродной девчонки? Ну уж нет! Она этого не допустит. Только действовать нужно хитрее и тоньше.

Джейн, наконец, нашла песню и встала у рояля, показав, что готова выступать. Голоса затихли, наступила полная тишина, раздались звуки вступления и Джейн запела. Она пела о горькой участи девушки, которую соблазнил и бросил красивый распутник, и теперь ей, бедняжке, остается только с моста в реку бросится. Мотив у песенки был незатейливый, но красивый, мелодия простая и запоминающаяся, а слова всегда выжимали слезы у почтенных матрон, когда она пела в кругу тетушкиных знакомых.

Так было и на этот раз. Аристократы, замороженные ее звонким серебристым голосом, уже доставали шелковые платки, чтобы утереть слезы, а глаза герцога темнели от ярости. Тема песни ему не понравилась, а Джейн была слишком увлечена своей маленькой мстью, чтобы просчитать все последствия своего поступка.

Гром аплодисментов прервал короткую тишину после окончания песни, и Джейн, сделав короткий книксен, поспешила выйти из гостиной, пока кто-нибудь ее не остановил. Она загадала – если ее никто не будет разыскивать до вечера, значит, все обойдется, и в лице принцессы Изабеллы она приобретет неожиданную спасительницу своей чести.

Чай они с леди Уотерхейт пили в красивой оранжерее, полной гигантских тропических растений и экзотических, пахнущих пряно и непривычно, цветов. Воспользовавшись случаем, Джейн нашла в библиотеке «Полную иллюстриро-

ванную энциклопедию растений экзотических и редких» и с упоением искала образцы иллюстраций среди тропических зарослей. Она была довольна и весела и сама напоминала яркую и беззаботную бабочку. Ей казалось, что все затруднения остались позади и завтра она вернется в тихую и безопасную гавань Фидлторна. А пока нужно успеть рассмотреть и запомнить как можно больше.

Она лишь отпила из чашки чаю, впрочем, необыкновенно вкусного и крепкого, какого можно найти только в салонах у самых знатных аристократов, и вновь отправилась на изучение замка, прихватив в кармашке платья несколько крохотных, но очень вкусных бисквитов. Она сумела вновь посидеть в библиотеке, насладилась живописными полотнами картинной галереи, забралась на башню, откуда был красивейший вид на окрестности. Никто не докучал ей требованиями или упреками в праздности, никто не стоял над душой, требуя читать, вышивать, или упражняться на фортепиано. И даже долг по отношению к своим подопечным на время оставил ее. Она была свободна!

С башни она со снисходительной усмешкой наблюдала за игрищами богатой и знатной публики внизу – те затеяли игру в крокет и каждый раз, при удачно забитом шаре, раздавались крики восторга. Герцога не было видно, и Джейн лишь надеялась, что он не просто не хотел играть, а был занят более важными и приятными вещами.

Ужин ей подали уже в новой комнате. Несколько видов хо-

лодных закусок из мяса и дичи, горячий и совершенно прозрачный бульон со специями, нежнейшие творожные кексы, которые таяли во рту – все это было пиршеством богов, и Джейн напоследок не отказывала себе ни в чем.

Пока она наслаждалась ужином, служанка, неизвестно по какой причине, проникнувшись к ней симпатией, уговаривала ее посмотреть с бывшей галереи менестрелей как в парадной столовой ужинает и развлекается высший свет. Джейн, при одной мысли о том, что будет подсматривать в щелку за господами, почувствовала невыносимое унижение, отказалась и, наконец, осталась в блаженном одиночестве.

Конечно, надевать предложенную сорочку она не стала. Добрый ангел в виде принцессы Кастильероса спасет ее сегодня, а завтра она уедет отсюда навсегда. Джейн взяла маленький томик романтических стихов, уютно устроилась в кровати, но открыв первую страницу, поняла, что сделала неудачный выбор. Стихи были на фанларийском – языке любви и более чем откровенного содержания. А когда ее изумленный взор дошел до картинок – она поспешила захлопнуть книгу. В этом замке все, абсолютно все кричало о праздности и разврате и еще несколько книг, и она сама поддается этому нечестивому очарованию порока.

Джейн еще несколько минут посмотрела на игру пламени в камине, и незаметно для себя уснула. Снилось ей нечто, тревожащее душу и тело, будоражащее разум – прочитанные на ночь стихи шептали на ухо непристойности, неприлич-

ные картинки оживали и кружились вокруг, а надо всем этим возносился юный и порочный бог – молодой герцог, протягивая ей руку и обещая блаженство.

Джейн проснулась, задыхаясь от откровенного сна, и опять наткнулась на взгляд темных порочных глаз. Не понимая, где сон, а где явь, она протянула руку, пытаясь потрогать незваное видение, и наткнулась на теплые, полные сил и энергии пальцы. Это был не сон!

Его светлость Глейд Джонатан Уорд герцог Голладжер Каменный так откровенно скучал за ужином, почти не слушая щебет Изабеллы, что фрейлины принцессы едва скрывали усмешки – их госпожа сегодня потерпела поражение в битве за тело герцога. Наконец, он не выдержал, и остановив очередной поток светской болтовни, попрощался с гостями, предоставив им возможность развлекаться без него. У него на сегодняшний вечер были более приятные планы.

Когда герцог приблизился и попытался открыть дверь, которая отделяла его от желанного приза, та не поддавалась. Он усмехнулся – крошка заперлась, думая, что замки могут его остановить. Двигать на расстоянии мелкие предметы он научился еще в пять лет, пугая своих нянюшек и наставников внезапно взлетающими чашками и ложками. Он закрыл глаза, и всеми нервами ощутив маленький ключик с той стороны двери, повернул его на несколько оборотов.

В комнате он неслышно растопил погасший камин и сел

на кровать, любуясь спящей девушкой. Она так и не надела тот маленький подарок, который он ей преподнес. Он улыбнулся и стал раздеваться. Джейн заслуживала наказания за свой упрямый нрав. Сладкого, длительного и страстного наказания.

Когда Джейн проснулась после беспокойного сна, их глаза встретились, и девушка сама протянула ему руку. Конечно, она не могла отказать ему, Каменному герцогу, самому искусному любовнику Брейтана. Глейд сбросил одеяло и властно привлек ее к себе, целуя обнаженную руку, начиная с тонких пальчиков, бережно проводя губами по нежной коже ладони, лаская языком хрупкие косточки запястья и осторожно сдвигая тонкую ткань рукава выше локтя.

Джейн вся горела от этой ласки, не веря в реальность происходящего, все еще надеясь, что это продолжается тот неприличный возмутительный сон. Кончиками пальцев она осторожно дотронулась до губ герцога, и когда этот прекраснo-порочный рот изогнулся в усмешке, она отдернула руку, как ужаленная.

– Это вы! – она попыталась вырвать вторую руку из плена, но безуспешно. – Как вы здесь оказались?

– Я же обещал вам прийти сегодня вечером, а я всегда исполняю свои обещания.

Он добрался до плеч девушки, стянув рукав сорочки, и впился долгим жарким поцелуем, жестко обнимая ее за талию. Джейн отталкивала его обеими руками, стараясь не об-

ращать внимания на обжигающий поцелуй.

— Я думала... я надеялась, что принцесса Изабелла займет ваше внимание.

Глейд оторвался от ее плеча и схватил за подбородок:

— Я всегда добиваюсь того, чего хочу. — Он с наслаждением провел пальцем по ее пухлым, приоткрытым от удивления губам, — А я хочу — тебя. Хочу с тех пор, как встретил на лесной тропинке. Такую беззащитную, — он продолжал ласкать пальцем губы, с удовлетворением чувствуя, как учащается ее дыхание, — такую упрямую. Такую сладкую, — шептал он, касаясь губами ее полуоткрытого рта, и целуя первым по-настоящему чувственным поцелуем.

Джейн вся горела и плавилась, отвечая на этот поцелуй, так непохожий на наказание сегодня в саду. Это поцелуй озярял жаром ее уста и поднимал нечто дерзкое и страстное из глубин ее тела. Когда их языки встретились и торопливо переплелись в новом для них танце, руки Джейн прекратили сопротивление и слепо скользнули по расстегнутой рубашке герцога, задев голый участок кожи.

Даже такая нечаянная невинная ласка вызвала еле слышный полустон-полувздых герцога и Джейн очнулась, понимая, — еще мгновения, и пути назад не будет.

— Нет! — она прервала поцелуй и снова попыталась вырваться из его объятий. — Я никогда не стану вашей любовницей!

Герцог не отпускал ее, крепко держа за талию и безуспеш-

но пытаюсь еще раз поцеловать:

– Но тебе понравилось целоваться со мной, я это видел!

– Это ничего не значит. Я предпочту остаться честной девушкой, нежели стать игрушкой на ночь знатного избалованного лорда!

– Кто говорил об одной ночи, дорогая? – Глейд разозлился и крепко завел ее руки назад. – Сейчас я тебя снова поцелую, и ты забудешь все свои ханжеские принципы и будешь просить меня продолжать снова и снова.

– Bravo! – донеслось от дверей, и герцог в бешенстве увидел принцессу, которая уверенно зашла в комнату. – Нашему дорогому мальчику впервые не удалось покорить сердце простолюдинки с первого поцелуя. Какая досада!

– Что ты здесь делаешь? – прорычал Глейд, чувствуя, как бешенство вытесняет возбуждение и страсть.

– Я искала тебя, милый! Мы же договорились вместе обуживать эту гордячку.

– Что? – в Джейн неведомо откуда взялись силы и она, разорвав объятия герцога, буквально свалилась с другой стороны кровати. – Вы хотели вдвоем развлекаться со мной?

Ощущая, что еще чуть чуть и он взорвется, Глейд сквозь зубы прошипел:

– Принцесса шутит. Развлекаться хотел я один.

– Ну что ж. – Джейн гордо подняла подбородок. – Ваше развлечение не состоялось. Зверушка убежала из силков.

Она ринулась что было сил вон из комнаты, желая только

одного – найти в крошечной тьме коридоров замка комнату леди Агаты.

А на кровати, которую она только что с такой поспешностью покинула, улеглась принцесса Изабелла и страстно протянула:

– Я была такой плохой девочкой, милый. Я заслуживаю наказания.

В ответ она заслужила пару слов, которые в приличном обществе не произносят, но принцесса только рассмеялась и вцепилась в герцога мертвой хваткой, видя, что он собирается бежать за Джейн.

– Неужели ты променяешь меня на безродную девчонку?

Этого минутного замешательства хватило, чтобы Джейн смогла добежать до другого крыла здания, герцог это ясно чувствовал, несмотря на запредельную ярость, кипевшую внутри.

Он с подчеркнутым спокойствием зарыл дверь и вернулся к кровати. Изабелла следила за ним во все глаза – его напускное равнодушие ее не обманывало, герцог был в бешенстве.

Внезапно он больно схватил ее за волосы, которые она распустила для большего эффекта соблазна, и, намотав их на кулак, приблизил ее лицо к себе. Он спрашивал медленно, чеканя каждый слог:

– Как ты посмела явиться сюда?

– Я принцесса, мне не нужны разрешения. – она рассмеялась, упиваясь его злостью.

– Согласен. Тебе не разрешения нужны, а хорошая порка.

Принцесса торжествующе улыбнулась и исхитрилась в таком положении сбросить пеньюар, под которым оказалась совершенно обнаженной.

Герцог все понял, но играть по ее правилам отказался. Он брезгливо швырнул ее на постель, и, не долго думая, сорвал шнур, обвязывающий полог кровати. Он был тяжелый, гладкий и плотно скрученный, и отлично подходил для его целей. Не глядя, и не контролируя силу замаха, он наотмашь стал стегать белоснежное тело, жаждущее наказания.

Изабелла, не ожидавшая такого поворота событий, тонко провизжала и попыталась увернуться, но вместо этого получила шнуром уже не по мягкому месту, а вбок, что было гораздо чувствительнее. Волна возмущения почти вытеснила возбуждение и она закричала:

– Да как ты смеешь?

– Заткнись и получай, что заслужила, – было ей ответом и она поняла, что разбудила зверя. Удары сыпались один за другим, и было не столько больно, сколько не понятно и страшно. Ее еще никто не бил, и она не могла понять – этого ли она хотела, когда провоцировала герцога или нет? Сжав зубы, она решила перетерпеть боль, надеясь, что за ним последует сладкое извинение, или, что еще лучше, еще более дикое и разнузданное удовольствие.

Однако герцог и тут не оправдал ее ожиданий. Как следует отстегав красавицу, он уже совершенно спокойно провел

шнуром по красным следам на теле, отметив, что не было ни рубцов, ни крови, и, склонился над принцессой:

– Я не хочу тебя больше видеть ни в моей постели, ни в моем доме.

Джейн стремглав добежала до правого крыла замка, где находилась комната леди Агаты, но потом была вынуждена перейти на шаг и двигаться осторожно – всюду слонялись припозднившиеся гости, а в гостиных горели свечи, и даже кое-где раздавалась музыка. Замок и не думал засыпать, наоборот, казалось, веселье разгоралось с новой силой. Пожалуй, заметь кто-нибудь ее в ночной сорочке – не очень и удивился бы, – подумала Джейн, но все равно решила пробираться аккуратно, чтобы никто не заметил, благо штор и укромных уголков в замке было предостаточно.

Когда она без сил приползла в комнату леди Уотерхейт – та уже была там, и изогнувшись в немыслимой позе пыталась сама развязать шнуровку платья.

– Джейн, дорогая, вы как раз вовремя! – поприветствовал она девушку, ничуть не удивившись ее виду и позднему визиту. – Служанки все куда-то запропастились, а я должна бежать на прогулку по парку.

– Ночью? – удивилась Джейн, ловко избавив леди Агату от вечернего платья и помогая одеть ей другое.

– Именно ночью! Там так поет соловей! – леди мечтательно закатила глаза и Джейн, несмотря на свое состояние,

улыбнулась.

– До завтра, – оптимистично бросила ее хозяйка, взяла ключ с каминной полки, давая понять, что вернется сама и умчалась навстречу приключениям, а Джейн заперла комнату и устало легла в постель.

Ее все еще потряхивало от ночных блуждания по замку, но скорее всего, и в этом девушка не могла себя обманывать, – от невероятного пробуждения и того, что последовало за ним – сладкого поцелуя и объятий. Она находилась на краю гибели – и только по вине своего собственного разыгравшегося воображения. Если бы она оставалась спокойной и сдержанной, герцогу было бы в сто раз труднее вывести ее из равновесия!

Ей следовало немедленно уехать из этого замка, вместилища искушения и гибели девичьей души! Осталось только дожждаться леди Агату и найти экипаж, который их отвезет до дома, не дожидаясь, пока передумает герцог.

Несмотря на то, что Джейн себе дала слово не спать, помня о злополучном сне и последовавших за ним событий, под утро она провалилась в дрему и не расслышала, как вернулась леди Агата и присоединилась к ней.

Завтрак был таким же роскошным, как и ужин, но девушка ела плохо, в нетерпении ожидая отъезда. Леди Агата тоже молчала, не выспавшись после ночной прогулки, но ее блестящие глаза лучше слов говорили, как она хорошо провела время.

Когда в дверь постучали, леди уже собрались. К их удивлению, за ними прислали лакея принцессы. А когда они спустились, внизу у лестницы их ожидала карета с гербами рода Кастильерос. От такого сюрприза Джейн ничего хорошего не ждала и почти не удивилась, когда из кареты высунулась хорошенькая головка Изабеллы в тугих завитых локонах и дорожной шляпке.

– Присоединяйтесь, леди! – скомандовала она. – Мне пришлось срочно уехать из замка по государственным делам, и я доведу вас до Фидлторна.

Леди Уотерхейт и Джейн низко склонились в благодарном книксене и поспешили сесть в карету.

Леди Уотерхейт почти сразу задремала на мягких фиолетовых подушках, а Джейн была вынуждена ехать под пристальным оком принцессы Изабеллы. Девушка старалась не смотреть в ее сторону, размышляя, почему у принцессы такой недовольный вид и сидит она как-то странно – скособочившись и обложившись подушками.

– Посмотрите в окно, – последовал приказ от принцессы, и Джейн послушно отодвинула шторку кареты. Они отъехали недалеко от замка, и сейчас над каретой возвышалась угловая башня крепости – приземистая, сложенная из больших черных блоков. – Именно здесь обитает несчастная сумасшедшая жена герцога.

Джейн вздрогнула и посмотрела на башню другим взглядом. Тяжелые решетки на узких окнах-бойницах, странная

безлюдность вокруг, тяжелая, давящая атмосфера – решительно все не нравилось ей.

– Бедняжка. – прошептала она.

Изабелла усмехнулась и развернула дорожный веер:

– Эта бедняжка замучила герцога своими истериками и половой невоздержанностью, пока совсем не сошла с ума.

Джейн почувствовала, как неудержимо краснеют щеки.

– Я бы не хотела обсуждать семейную жизнь герцога, ваше высочество.

– Зато я хотела бы. – принцесса с треском захлопнула веер, – Не скрою, меня крайне изумила сцена, увиденная сегодня ночью.

Девушка ощутила, как румянец стыда переходит с щек на шею.

– Поверьте, я также была удивлена, – едва смогла выговорить она.

Несколько минут принцесса задумчиво изучала ее лицо:

– Такая свежая, невинная красота... Это может привлекать мужчин порочных и страстных. Но сможете ли вы предложить нечто более ценное, чем ваша невинность?

Джейн досадливо закусила губу и возразила:

– Я не собираюсь ничего предлагать. Прошедшая ночь была ошибкой и не повторится никогда.

– Я потеряла невинность в пятнадцать лет. – неожиданно перебила ее принцесса. – Он был красивый и горячий, как наш герцог, и целовал меня так пылко и страстно, что я не

устояла. – В карете установилась вязкая и тревожная тишина, и только приглушенный стук копыт перебивал ее. – И ты не устоишь.

Эти слова упали тяжелым камнем на сердце Джейн, и она вздрогнула, как от удара.

– Нет!

– Поверь, я знаю, о чем говорю! – страстно зашептала Изабелла, отбросив веер, как бесполезную игрушку. – Как только ты увидишь его глаза, дотронешься до него, вдохнешь его запах – ты пропала.

Ее темные глаза сверкали, грудь, плотно стиснутая корсетом дорожного костюма, вздымалась, и было такое ощущение, что сейчас она рассказывает не о Джейн, а о себе. Внезапно она, коротко простонав, переменила позу, и девушка решилась спросить:

– Неудачная охота, ваше величество? Вас сбросила лошадь?

Принцесса поджала губы.

– Жеребец попался дикий и необъезженный. Впредь буду более осторожна. А вы, милочка, подумайте над моими словами.

Всю оставшуюся дорогу до Фидлторна они ехали молча, изредка переглядываясь и тут же отводя глаза. Каждая думала о своем, но мысли их были во многом схожи, и сомнения одинаково раздирали души гувернантки и сестры королевы.

ГЛАВА 3.

Поездка в Каменный замок оставила незабываемый след в судьбе и хозяйки Фидлторна и Джейн Элиот. Первая теперь все время напевала и заказывала у портнихи наряды один за другим. Вторая подолгу грустила и не знала, что предпринять. Джейн честно и самоотверженно занималась с девочками обычной программой, подолгу гуляла в парке, лишь изредка выбираясь на лесные тропинки, если нужно было срочно отнести письмо в соседнюю деревушку. Сентиментальные романы теперь были для нее под запретом, и Джейн старалась изучать биографии знаменитых женщин-путешественниц и покровительствующих наукам и искусствам, надеясь научиться хотя бы силе духа и умению выпутываться из любых ситуаций. Но даже книги, ее надежные и давние друзья, не могли подсказать выход из ее положения.

А ночью к ней приходили кошмары и не давали спокойно спать. Снова и снова она видела темные глаза герцога, проникающие прямо в душу, ощущала тепло его рук и жар его поцелуя. По утрам у нее горели губы – так яростно во сне она целовалась с виновником своих страданий. Она недоумевала и приходила в ужас – как ее тело могло предать ее разум? Неужели она не может сдерживать своих физических порывов или контролировать их?

Снова и снова Джейн убеждалась в правоте принцессы – она может наделать глупостей, если опять увидит его. А это неизбежно, пока он рядом, пусть и на расстоянии полудня

пути. Между ними должно лежать все королевство, поняла она, и, решив для себя эту дилемму, сразу успокоилась и стала писать письма своим подругам, ища новое место работы. На этот раз – даже без намека на мужчин. Пансион или закрытая школа подошли бы лучше всего.

Глейд Джонатан Уорд герцог Голладжер Каменный прекрасно видел, как карета принцессы Изабеллы Кастильерос-Винчигуэрра увозит Джейн Элиот прочь из замка, но не сделал ни единого движения, чтобы помешать этому. Не стоило пугать кролика, попавшего в силки. Необходимо создать у него иллюзию свободы, чтобы он, наконец, перестал трепыхаться, и сам попросился в руки. Он еще увидит Джейн у себя в замке.

Пришедшему на звон колокольчика слуге был отдан категоричный приказ копировать все письма Джейн Элиот, живущей в поместье Фидлторн, и доставлять ему немедленно, а также тщательно следить за всеми ее передвижениями по графству. Кролик должен насладиться запахом свободы, прежде чем стать жертвой. Тем интереснее будет игра. Во много раз увлекательнее и забавнее.

Весь июнь прошел в лихорадочной переписке Джейн в поисках новой работы, она почти ежедневно бегала на почту. Вкупе с ее обычными обязанностями по обучению девочек, у нее почти не оставалось времени на общение с хозяйкой поместья, хотя та также почти ежедневно получала письма,

и, прочитав их, бывала то грустна, то весела, и по много часов запиралась в своей комнате, чтобы написать ответ.

В свете это занятости леди Агаты, Джейн никак не могла найти повода сообщить ей о своих поисках. Она хотела, чтобы эти новости прозвучали как можно более деликатнее, и приличествовали условностям. Почему она решила искать новую работу? Почему не попросила прибавки жалованья, если дело было в этом? А сообщать истинные причины увольнения и рассказывать про ночь, проведенную в Каменном замке, она не собиралась ни в коем случае.

Но естественное развитие событий все расставило по своим местам. Как оказалось, у леди Агаты также намечались большие изменения в жизни. На исходе июня та позвала ее испить чаю на террасе второго этажа, откуда открывался великолепный вид на парк. После второй чашкой чая и кусочка фруктового кекса она звенящим от волнения голосом сообщила, что уже давно переписывается с весьма солидным и состоятельным бароном, поместье которого находилось в двух сутках езды отсюда.

– Той ночью, когда мы прогулялись по парку, и он не позволил ничего лишнего и вызывающего по отношению ко мне, а напротив, мы нашли истинную общность наших суждений и характеров, переписка возобновилась с новой силой, – рассказывала леди Агата, непривычно радостно улыбаясь. Она наклонилась к Джейн и понизила голос: – Я даже отбросила свою привычку экономить, и заказал несколь-

ко платьев, потому что мне абсолютно нечего надеть!

Леди Уотерхейт убрала улыбку с лица и немного поколебалась, прежде чем приступить ко второй части своего изложения.

– Моя дорога Джейн, я очень жду, что на празднике святого Джека Стоуна в Каменном замке, он объявит о нашей помолвке. Мы оба вдовцы, поэтому она не продлится слишком долго, и в первых числах осени я планирую снова выйти замуж.

– Это чудесная новость, леди Агата, и я очень рада за вас! – искренне воскликнула девушка. – Вы любите его?

Хозяйка улыбнулась:

– Он очень спокойный и рассудительный человек, ему ближе к сорока годам, он состоятелен и будет мне хорошей опорой на старости лет. А еще я уверена, что будущее моих девочек будет обеспечено. Что еще нужно для счастья? Конечно, я его люблю. С его приходом в мою жизнь придет покой и благоденствие.

Джейн выслушивала эту сентенцию молча, ни словом не выдавая своего возражения или изумления. Разве не она сама хотела искать в браке достатка, покоя и уважения к своим личным достоинствам?

– Поэтому, мисс Джейн, я не уверена, смогу ли пообещать вам продолжить заботиться об образовании моих девочек в свете таких намечающихся перемен в моей жизни. Скорее всего, нам придется переехать, и я не знаю, когда точно это

произойдет.

Джейн Элиот поняла все мгновенно. «Я не хочу, чтобы в доме моего мужа у него перед глазами мелькала красивая незамужняя гувернантка» – говорили извиняющиеся глаза хозяйки. И, что самое обидное, Джейн ее понимала, как никогда. Тем более, сомнения леди Агаты вдруг совпало с ее собственным желанием.

– Яя вас прекрасно понимаю, леди Агата, очень нелегко кардинально менять место обитания и свою жизнь. Я сейчас же начну подыскивать себе новое место работы.

– Я дам вам наилучшие рекомендации! – с облегчением воскликнула та, – вы потрудились на славу, и это видно невооруженным глазом. Но я рассчитываю, что вы будете сопровождать меня на празднике в середине лета.

Джейн вздрогнула:

– Мне бы этого очень не хотелось, миссис. Я предпочту остаться с девочками, и не мешать вашим свиданиям с любимым.

Леди Уотерхейт расхохоталась и замахала рукой.

– Господь с вами, разве вы можете помешать! Да на праздник съедется все графство, и еще пол Брейтана в придачу, в замке будет яблоку негде упасть. Целую неделю будут проходить пикники, охота, фейерверки и всяческие увеселения, до которых охоча аристократическая публика. Но изюминкой праздника всегда был маскарад!

– Маскарад? – не веря свои ушам, переспросила Джейн, –

это же забава южных княжеств.

— И эта забава пришлась по душе очень многим нашим дворянам. Еще юной и незамужней девушкой я с удовольствием наряжалась феей и имела успех у мужчин в своем полупрозрачном одеянии с крылышками из кружев. — и леди Агата мечтательно вздохнула. — Если вы не желаете оставлять девочек на целую неделю, я понимаю и уважаю ваше решение, но приехать на заключительный маскарад вы просто обязаны! Вы никогда в жизни не простите себя, если пропустите такое зрелище и повод повеселиться.

Теперь у Джейн было еще более беспокойно на душе, чем раньше. Она, безусловно, понимала, что в замке ей не место, и не следует возвращаться туда, где чуть не произошло непоправимое. Однако молчание герцога и его отсутствие говорило о потере интереса к ее персоне. Народная поговорка «с глаз долой, из сердца вон» в который раз оправдывала свою мудрость, только Джейн могла бы с полным правом подставить вместо сердца другой, более характерный мужской орган.

И если с этой стороны опасности ждать не приходилось, то в своей стойкости и целомудрии Джейн справедливо сомневалась. Легко жить по нравственным законам, в чистоте и невинности, если никогда твою душу не опаляли темные бездонные глаза, никто не трогал твою руку, не обжигал поцелуем уста. А если все это уже было — как справиться с этим? Как жить дальше, зная, что никогда не увидишь того,

кто разбудил твою страстность и чувственность?

Джейн измучилась морально и физически, пока не получила радостное письмо от одной из одноклассниц по пансиону, в котором та писала, что учительница в частной школе для девочек, где она преподает, выходит замуж и уезжает. И Джейн могла бы попробовать поработать вместо нее. Если она получит одобрение попечительского совета, то сможет работать на постоянной основе. Приезжать и обустраиваться можно было уже в августе, чтобы с началом осени приступить к своим обязанностям.

Это письмо, как ни странно, расставило все по своим местам. Знакомая учительница жила в графстве намного севернее родного Ньюшира, и намного дальше от Каменного замка, чем Джейн могла представить. Все складывалось как нельзя лучше, а тут еще леди Уотерхейт с загадочной улыбкой пообещала сюрприз для нее и вечером Джейн с удивлением увидела на диване в гостиной роскошную гору переливающегося шелка и тюля.

Рядом сидела довольная хозяйка и перебирала цветастый восточный пояс со множеством медных кругляшек, имитирующих монеты.

– Это для вас. Джейн, – торжественно провозгласила она, увидев ее круглые глаза, – грехи моей бурной юности. Я долго не могла решиться надеть этот костюм на маскарад, но когда надела – внимание мужчин было обеспечено. Подождите отказываться.

Видя ту поспешность, с которой Джейн собиралась возразить, леди Агата нашла тонкий платок с блестящими заколками и ловко закрепила его на себе таким образом, чтобы половина лица до самых глаз оказалась скрыта.

– Мы украсим ваши глаза как у жен султана Бихрейна, а сверху наденем вот эту блестящую шапочку с пришитыми черными кудрями. – и она продемонстрировала всю конструкцию. Узнать в этом блестящем чуде вдову барона, степенную и чопорную хозяйку поместья, было невозможно.

– Вас никто не узнает, Джейн! – торжественно объявила она. – По-моему, отказываться от такого приключения – грешно, что бы вы не говорили.

Костюм повесили в комнату Джейн на шкаф, и теперь и утром и вечером девушка имела возможность любоваться мерцанием голубого и золотого шелка. Теперь она в полной мере поняла значения слова «искушение», о котором так любили говорить монашки на уроках закона божьего. Однако там речь шла о чертях и язычниках, а в случае Джейн все эти дьявольские персонажи воплотились в одном человеке. Днем она ясно и четко понимала, что не должна видеть герцога и даже приближаться к нему, а ночью ей снились удивительные сны, где она, неузнанная, и оттого слишком смелая, целовала герцога и убегала, незамеченная в общей толчее праздника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.